

Выпускная квалификационная работа

**Интерпретация повествования «О противостоянии Морю»
(фрагменты pBN 202 и pAmherst 9)**

Направление 032100 «Востоковедение и африканистика»

Профиль: «Египтология»

Рецензент:
кандидат исторических наук,
старший преподаватель
Николаев А. Н.

Выполнила:
студентка IV курса
Кальченко Е. С.

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор
Большаков А. О.

Содержание

Введение.....	4
Раздел 1. Историография проблемы интерпретации рукописей pBN 202 и pAmherst 9 с текстом повествования «О противостоянии Морю»	6
Раздел 2. Описание фрагментов рукописи pBN 202 и pAmherst 9.....	10
Раздел 3. Датировка источника.....	12
3. 1. <i>Время создания текста произведения</i>	13
3. 2. <i>Датировка рукописи pBN 202 и pAmherst 9 как носителя текста</i>	16
3. 3. <i>Выводы</i>	18
Раздел 4. Историко-культурный контекст произведения	19
4. 1. <i>Интерпретация датировки в прологе</i>	19
4. 2. <i>Героическая тематика в произведении. Ее соотношение с образом воина-героя на памятниках Аменхотепу II</i>	23
4. 3. <i>Свидетельства распространения ближневосточных культов Баала и Астарты при Аменхотепе II</i>	29
Раздел 5. Анализ литературных аспектов повествования.....	33
5. 1. <i>Вопрос влияния ближневосточной традиции на египетское повествование «О противостоянии Морю»</i>	33
5. 2. <i>Особенность идеи конфликта в египетском повествовании «О противостоянии Морю»</i>	39
Раздел 6. Предполагаемая цель создания произведения.....	45
Заключение	48
Список сокращений	50
Список литературы	52
Приложение	58
<i>Разбор текста</i>	58
<i>Транслитерация</i>	58

<i>Перевод</i>	<i>58</i>
<i>Комментарий</i>	<i>66</i>
<i>Транскрипция и фотографии.....</i>	<i>76</i>
<i>Транскрипция и фотография 1. pBN 202.....</i>	<i>77</i>
<i>Транскрипция и фотография 2. 1. pAmherst 9</i>	<i>79</i>
<i>Транскрипция и фотография 2. 2. pAmherst 9</i>	<i>81</i>
<i>Транскрипция и фотография 2. 3. pAmherst 9</i>	<i>83</i>
<i>Транскрипция и фотография 2. 4. pAmherst 9</i>	<i>85</i>
<i>Транскрипция и фотография 2. 5. pAmherst 9</i>	<i>87</i>
<i>Транскрипция и фотография 2. 6. pAmherst 9</i>	<i>89</i>

Введение

Предметом исследования настоящей работы является текст рукописи, сохранившейся на папирусных фрагментах pBN 202 и pAmherst 9. Довольно долгое время никто из специалистов не предполагал, что отрывок pBN 202 имеет отношение к фрагментам pAmherst 9. Лишь в 2000 году, благодаря фундаментальному исследованию Ф. Колломбера и Л. Кулона, было признано, что pBN 202 является началом повествования и, по сути, прологом к тексту pAmherst 9. Установленное единство рукописных фрагментов, расценивавшихся прежде как два независимых источника, положило начало качественно новому пониманию текста известного как «Папирус Астарты». Это название было дано фрагментам pAmherst 9 из коллекции лорда Амхерста еще задолго до признания единства с отрывком pBN 202 из Национальной (бывшей Императорской) библиотеки Франции, поскольку в одном из наиболее сохранившихся эпизодов повествования упоминается отправление богини Астарты к властному и жадному до приношений правителю – Морю с целью уладить его конфликт с сонмом египетских богов, Эннеадой. Вместе с тем на основе обнаруженного пролога повествования, а также ряда других ближневосточных источников можно установить, что главная тема и сюжетная линия египетского произведения были связаны с противостоянием персонификации морской стихии, которую сокрушает воинственный бог, отвечающий за силы грома и молнии: Сет, упомянутый в pAmherst 9. Поэтому фрагменты исследуемого текста получили в данной работе название «О противостоянии Морю», что отражает не только основную тему египетского повествования, но и его причастность к корпусу ближневосточных текстов со схожей тематикой.

Понятие «интерпретация», также представленное в заглавии работы, является, безусловно, многоаспектным, заключая в себе разные подходы к прочтению и, самое главное, пониманию смысла и значения текста. В настоящее время термин «интерпретация» тесно связан с областью

литературоведения и применяется во многом по отношению к художественным произведениям. Вместе с тем в широком смысле возможно говорить об интерпретации любого письменного источника в независимости от его жанровой принадлежности, что наиболее актуально для памятников прошлого. Поскольку в источниках минувших столетий и даже тысячелетий представлены реалии, далеко отстоящие от современных, то для понимания и толкования подобного рода памятников необходимо учитывать временной, а также культурный фактор. Так, одной из основных задач в работе является интерпретация текста с точки зрения историко-культурного контекста.

Наряду с этим важную составляющую часть интерпретации занимает анализ темы и композиционных элементов текста. В случае с исследуемым повествованием «О противостоянии Морю» определенную сложность для рассмотрения сюжетной линии представляет весьма фрагментарное состояние источника. По сохранившимся фрагментам папируса порой трудно судить о смысле того или иного отрывка и практически невозможно рассмотреть структуру всего произведения. Впрочем, несмотря на далеко неполную степень сохранности, египетское повествование занимает свое значимое место в ряду текстов ближневосточной традиции, запечатлевших мотив противостояния бога бури, грозы морской стихии. Данное обстоятельство поднимает вопрос о взаимном влиянии текстовых культур Египта и других стран Ближнего Востока, что определяет еще одну цель работы, которая заключается в характеристике особенностей египетского повествования и определении его места в корпусе ближневосточных текстов со схожей тематикой. Эта цель, в свою очередь, имеет отношение к решению следующей проблемы: насколько соответствуют на первый взгляд инородные тема и сюжет произведения египетской системе мировосприятия?

Наконец, третья задача, стоящая в процессе интерпретации, связана со стремлением понять назначение текста, цель его создания, благодаря чему, возможно, удастся охарактеризовать среду его бытования, а также круг предполагаемых читателей.

Помимо основной части работы некоторые повествовательные детали разъясняются в комментарии к переводу¹, где наряду с наиболее примечательными особенностями синтаксиса и морфологии приводится разбор ряда лексических единиц, раскрывающих смысл того или иного отрывка.

В целом поставленные задачи определяют направления исследования в рамках многогранной темы интерпретации, объектом которой выступает текст – повествование «О противостоянии Морю», частично сохранившееся на папирусных фрагментах pBN 202 и pAmherst 9, представленных в заглавии работы. Интерпретация письменного материала неизбежно носит отпечаток субъективного подхода к прочтению и разъяснению смысла текста. Так, в настоящей работе предполагается привлечь ряд дополнительных источников, позволяющих лучше понять фрагменты pBN 202 и pAmherst 9, не ограничиваясь, тем самым, рамками основного объекта исследования.

Раздел 1. Историография проблемы интерпретации рукописей pBN 202 и pAmherst 9 с текстом повествования «О противостоянии Морю»

С конца XIX до начала XXI века фрагменты повествования pBN 202 и pAmherst 9 рассматривались отдельно, как два несвязанных друг с другом источника. Причиной этому послужили, вероятно, разные обстоятельства приобретения фрагментов и их местонахождение в двух разных коллекциях. Так, пролог повествования pBN 202 поступил в Императорскую (ныне Национальную) библиотеку Франции из коллекции парижского антиквара Роллана, по-видимому, не позже 1868 года, когда В. Плейт опубликовал первое факсимильное издание фрагмента в работе «*Le Papyrus Rollin, de la Bibliothèque imperial de Paris*», однако без указания места и времени приобретения рукописи частным коллекционером. В следующем 1869 году вышла статья Ф. Шаба, посвященная, главным образом, разбору хозяйственных папирусов эпохи Сети I,

¹ Разбор текста, включающий транслитерацию, перевод и комментарий, а также транскрипцию запечатленных на фотографиях фрагментов, приведен в приложении к основной части работы.

также находившихся в коллекции Роллана и опубликованных В. Плейтом в вышеупомянутом издании. В конце статьи имеется лишь краткое упоминание о нынешнем фрагменте pBN 202, представляющем восхваление (Chabas, 1869, p. 92).

Отрывки повествования известные как pAmherst 9 находились, соответственно, в коллекции лорда Амхерста. Впервые краткое упоминание об этих фрагментах наряду с другими памятниками из коллекции Тиссен-Амхерст приводит С. Бёрч. В небольшом пассаже в конце статьи дается общая и не вполне достоверная внешняя характеристика: «папирус изначально составлял 16 футов в длину и имел около 11 строчек на каждом листе...», после чего автор рассматривает отдельные фрагменты повествования, не пытаясь организовать их в соответствии с развитием сюжетной линии (Birch, 1871, p. 119-120).

В 1899 году выходит публикация П. Ньюберри, в которой были изданы папирусы из коллекции лорда Амхерста, в том числе ряд фрагментов под номером IX, представленных как «Папирус Астарты» и сохранивших с тех пор это название. В отличие от других опубликованных источников, П. Ньюберри не приводит транскрипцию, транслитерацию и перевод для фрагментов pAmherst 9, ссылаясь на крайне фрагментарное состояние текста (Newberry, 1899, p. 47).

Первым, кто представил наиболее достоверное критическое издание с поправками и учетом недостатков в работах предшествующих исследователей, был А. Гардинер. Опубликовав в 1932 г. полную транскрипцию фрагментов pAmherst 9 вместе с комментарием и реконструкцией знаков на месте многих лакун, А. Гардинер сумел организовать текст в правильном порядке за счет принципиально нового соотнесения частей папируса, которое было признано более точным и верным по сравнению с размещением и нумерацией фрагментов в работе П. Ньюберри. Более того, при сравнении двух публикаций видно, что А. Гардинер исключает некоторые фрагменты текста,

которые П. Ньюберри ошибочно отнес к «Папирусу Астарты»², и вместе с тем приписывает к повествованию ряд других отрывков (Gardiner, 1932, p. 80a): нижняя часть страниц 6-11, 14, 15, отсутствующих в издании П. Ньюберри. Таким образом, установив более-менее надежный порядок фрагментов и дополнив текст недостающими частями, А. Гардинер ввел новую нумерацию по строкам, которая стала учитываться во всех последующих публикациях, связанных с текстом pAmherst 9, и приводится соответственно в данной работе.

Кроме того, именно А. Гардинеру удалось выделить основную тему повествования, связанную с конфликтом между богами и персонификацией морской стихии, в то время как Астарта была представлена в роли посредника между противодействующими друг другу силами (Gardiner, 1932a, p. 77, 80, 81). Исследователь также одним из первых упомянул о сходстве «Папируса Астарты» с вавилонским эпосом «Энума элиш», где бог Мардук побеждает воплощение первобытного океана, морских вод: Тиамат (в отличие от Моря в pAmherst 9 представляет женское начало) (Gardiner, 1932a, p. 81).

Последующая интерпретация фрагментов pAmherst 9 была во многом связана с сопоставлением сюжета данного крайне фрагментарного источника с рядом ближневосточных текстов, в которых так или иначе затронута тема противостояния Героя персонификации морской стихии. О параллелях с фрагментом хеттской «легенды» утверждал А. Г. Сейс (при транслитерации дается ссылка на клинописный источник из Богазкёя: KUB, XII, 49), однако на основании его статьи остается неясно, какие соответствия устанавливаются между эпизодом приведенного им отрывка хеттского повествования и сюжетной линией pAmherst 9, поскольку исследователь ограничивается тезисами общего характера, проводя аналогию между богом Кумарби и Птахом, а также указывая на соответствие «слова» богов из области Мукис роли Астарты (вероятно, имеется в виду характеристика богини как посредника между Эннеадой и Морем) (Sayce, 1933, p. 56, 58).

² Фрагменты IV (pl. XIX) и VI (pl. XX) в публикации П. Ньюберри.

С другой стороны, существовала традиция, согласно которой египетская версия повествования рассматривалась независимо от ближневосточных источников со схожей тематикой. Так, Р. Штадельманн ставил под сомнение прямую зависимость египетского источника от ханаанской традиции. Поддерживая точку зрения Ж. Познера относительно египетских истоков мотива борьбы с Морем, восходящих к ранним египетским представлениям о мироздании, он предлагал связывать отрывки в начале текста, указывающие на процесс сотворения мира, с Мемфисской теологией (Stadelmann, 1975, S. 509-510).

Фундаментальная работа Ф. Колломбера и Л. Кулона 2000 года, доказавшая, что фрагмент pBN 202 и первый отрывок pAmherst 9 составляют единую рукопись, положила начало новому этапу в вопросе интерпретации текста произведения. Благодаря этому исследованию фрагмент pBN 202 стал рассматриваться как пролог основной истории, которая с того момента имела так или иначе отношение ко времени правления Аменхотепа II.

Проблема интерпретации и сопоставления египетской версии повествования с ближневосточными сюжетами была затронута в нескольких статьях 2003 года, опубликованных немецким египтологом Т. Шнайдером. Исследователь, в частности, предлагает рассматривать образ семитского бога грозы Баала или хурритского Тешуба, отождествляемых с Сетом, в контексте египетского повествования (Schneider, 2003, S. 608). Во второй статье, затрагивая понятие «культурной апроприации» и его конкретные проявления («культурные лигатуры») в Египте Нового царства, Т. Шнайдер представляет текст на фрагментах pBN 202 и pAmherst 9 как «египетскую версию ханаанского мифа о сражении Баала с Морем» (Schneider, 2003a, p. 160). Снова отмечая влияние воинственного Баала на образ египетского героя (представленного, в основном, в тексте пролога: pBN 202), автор приходит к

выводу, что этот семитский бог обрел, таким образом, статус покровителя царской идеологии при Аменхотепе II³ (Schneider, 2003a, p. 161).

Об отношении рассматриваемого повествования к царской идеологии писал также А. Спэлингер, указывая на связь между образом молодого царя и ролью Сета-Баала, и, как следствие, на адаптацию иноземной мифологемы к «египетскому концепту царской власти» (Spalinger, 2007, p. 151-152).

Анализ композиции произведения, представленного как мифологическое повествование, приведен в магистерской диссертации чешского египтолога М. Пехаля, использовавшего для интерпретации «Папируса Астарты», а также «Истории о двух братьях» метод структурного анализа К. Леви-Стросса. По результатам исследования автор приходит к выводу, что «Папирус Астарты» по своей структуре отчасти соответствует другим египетским произведениям: «Истории о двух братьях», а также «Тяжбе Хора и Сета» (Pehal, 2008, p. 112-113). Вместе с тем, несмотря на подобное структурное соответствие, которое подтверждает включение иноземного текста в египетскую культурную среду, автор характеризует само изложение, сюжет произведения как «механическую копию ближневосточного мифа» (Pehal, 2008, p. 107).

В отечественной историографии отсутствуют работы по обобщению и интерпретации фрагментов pBN 202 и pAmherst 9 за исключением отдельных упоминаний о «Папирусе Астарты» в связи с темами, касающимися взаимодействия египетской и ханаанской культур (Шифман, 1987, с. 153-154; Шифман, 1999, с. 56; Тантлевский, 2005, с. 72), а также распространения в Египте культа семитских божеств (Томашевич, 1999, с. 259, 264-266).

Раздел 2. Описание фрагментов рукописи pBN 202 и pAmherst 9

В настоящее время фрагменты единой рукописи продолжают храниться порознь в учреждениях двух разных стран: отрывок с прологом повествования (pBN 202) находится в фонде Национальной библиотеки Франции, а фрагменты

³ Мне бы хотелось более подробно затронуть этот неоднозначный вопрос в разделе, посвященном историко-культурному контексту повествования.

из коллекции лорда Амхерста (pAmherst 9) поступили в 1912 году в собрание манускриптов Библиотеки Моргана в Нью-Йорке (CORSAIR).

В целом рукопись отличается весьма фрагментарным состоянием. Строки отрывка pBN 202 разделяет вертикальная лакуна, занимающая примерно 1/5 часть фрагмента. Не сохранилось также окончание строк, почти полностью утрачены две последние строчки.

Вместе с тремя фрагментами pAmherst 9, хранящимися в первой из пяти окантовок, панегирик pBN 202 образует начало повествования. Ф. Колломбер и Л. Кулон реконструируют по крайней мере одну линию между концом pBN 202 и первой строчкой pAmherst 9, что дает возможность оценить примерные размеры одной страницы текста, которая могла составлять около 42 см в высоту и включать в себя 28 строк (Collombert, Coulon, 2000, p. 199). Столь значительные размеры позволяют судить о невероятном масштабе литературного текста. По выразительному сравнению Ф. Колломбера и Л. Кулона, основная версия произведения из расчета 20 страниц, в среднем по 25 строк могла быть в три раза больше «Тяжбы Хора и Сета» и превосходить текст Уну-Амона в шесть раз (Collombert, Coulon *ibid.*).

Во второй окантовке заключены четыре фрагмента pAmherst 9, один из которых, расположенный с левой стороны вверху⁴, вместе с небольшим отрывком папируса под ним, является лишним, так как не соответствует более широкому междустрочному интервалу остальных фрагментов. Над первой сохранившейся строчкой страницы могла располагаться одна или несколько утраченных линий (Gardiner, 1932, p. 77) и, таким образом, общее количество строк второй страницы – в среднем 20 (с учетом дополнительной линии наверху) соотносится с числом строк начального листа.

Вместе с тем примерно 2/3 части страницы утрачено: в основном, это середина и левая сторона страницы за исключением двух последних строк,

⁴ Это ошибочный фрагмент в публикации П. Ньюберри (Newberry, 1899, pl. XIX. IV), впоследствии исключенный из рассмотрения А. Гардинером.

знаки которых сохранились по всей длине. Фактически полностью отсутствует строка 2, $x+9$.

Все оставшиеся фрагменты представляют главным образом только нижнюю часть соответствующих страниц папируса с одной или двумя строчками, ни одна из которых, кроме последней строки третьей страницы, не сохранилась полностью.

Начиная с фрагмента под номером 7, прослеживается некоторое несоответствие нумерации фрагментов на музейной фотографии с той, которая была приведена А. Гардинером, поскольку исследователь рассматривал данный фрагмент как конец двух разных страниц: 7, y и 8, y . Вместе с тем на прорисовке Ф. Колломбера и Л. Кулона этот фрагмент показан как единый, без каких-либо линий разрыва (Collombert, Coulon, 2000, p. 237, pl. XI), благодаря чему становится понятной нумерация на фотографии, где весь отрывок расценивается как конец одной и той же страницы.

Последняя окантовка обрамляет пять фрагментов pAmherst 9, которые рассматриваются с двух сторон: *recto* и *verso*. Более-менее надежно устанавливается порядок строк на двух нижних частях стороны *recto*: 14, y ; 15, $y-1$; 15, y . Однако последовательность фрагментов повествования для стороны *verso* не поддается точному определению, поэтому при разборе текста приводится один из возможных вариантов в соответствии с очередностью фрагментов в работе А. Гардинера (Gardiner, 1932, p. 81).

Раздел 3. Датировка источника

Вопрос датировки исследуемого источника играет особо важную роль для интерпретации текста произведения, поскольку он имеет непосредственное отношение к тем историческим реалиям, в рамках которых создавался и бытовал данный текст. Являясь основой для построения дальнейшего хода исследования, этот вопрос должен способствовать определению периода, в пределах которого будет осуществляться интерпретация текста. Для получения

наиболее полной картины при рассмотрении датировки источника следует учесть две составные части вопроса:

- 1) время создания самого текста произведения;
- 2) датировка имеющейся рукописи как носителя текста произведения, то есть время фиксации, записи текста.

3. 1. Время создания текста произведения

Данный подраздел имеет ключевое значение для последующего рассмотрения *Sitz im Leben*, понятия, определяющего, в частности, тот историко-культурный контекст, в котором создавалось произведение.

Датировка и титулатура в первой строке фрагмента pBN 202 указывают на пятый год правления Аменхотепа II, что в свое время позволило Г. Мёллеру безоговорочно датировать источник (Möller, 1920, S. 36). Вместе с тем в той же работе 1920 года ученый отнес фрагменты pAmherst 9 к эпохе Хоремхеба на основании палеографического анализа и сопоставления знаков pAmherst 9 и Лондонского медицинского папируса (Möller, 1920, S. 42). Публикация Ф. Колломбера и Л. Кулона дала возможность пересмотреть датировку фрагментов, составлявших одну и ту же рукопись, и, как следствие, единый источник датируют с тех пор временем правления Аменхотепа II (Collombert, Coulon, 2000, p. 209-211).

Несмотря на прямое указание года правления Аменхотепа II, не стоит исключать тот факт, что текст произведения был известен и, возможно, даже записан в более ранний период. Принимая во внимание данное предположение, хотелось бы выделить те формальные показатели: лингвистические данные, которые позволяют установить критерий *ante quem non*. Этот критерий основан на рассмотрении новых элементов, так называемых «нововведений» в структуре языка, которые встречаются в источниках не раньше конкретного периода (Stauder, 2013, p. 60).

1. Определяющее значение для критерия *ante quem non* имеет употребление конструкции *hn^c ntf sdm* (2, *x*+5; 2,*x*+16; 14, *y*), которая

предшествовала появлению формы конъюнктива *mtw=f sdm* в языке нового состояния. Мне не удалось познакомиться с мнением Б. Кребера о существовании подобной конструкции при Хатшепсут в его работе 1970 года, однако, согласно последним исследованиям А. Штаудера по методам лингвистической датировки, это предположение ставится под сомнение (Stauder, 2013, p. 12). Вместе с тем подтверждается известный факт употребления вышеупомянутой конструкции впервые в эпоху Аменхотепа II (Stauder *ibid.*), что документировано в письме pBerlin 10463, опубликованном Р. Каминосом (Camino, 1963, pl. VIa, pl. VIb).

Если было бы возможно также продемонстрировать, что предложенная А. Гардинером гипотетическая конструкция *hn^c sdm ntf* (с инверсией инфинитива и абсолютного местоимения в притяжательной функции) действительно предшествовала конструкции *hn^c ntf sdm* (Gardiner, 1928, с. 94-96) и существовала вплоть до эпохи Аменхотепа II, то критерий *ante quem non* приобрел бы дополнительную силу (Stauder, 2013, p. 61 С.; 62-63 (с)).

2. Таксономический *Praesens* (3,y-1 – 3, y) также получает широкое распространение со времени Аменхотепа II⁵ (Collombert, Coulon, 2000, p. 214; Stauder, 2013, p. 11). Выстроенные в цепочку конструкции таксономического *Praesens* формируют развернутое обстоятельство, которое в противоположность конъюнктиву, организующему сочинительную связь ряда неодновременных и необязательно последовательных действий (Borghouts, 1979, p. 15-16), образует единый синтаксический оборот, внутри которого представлены частные описания действий, относящиеся к одному и тому же процессу.

3. Отрицательная форма *Futurum III nn iw=f r sdm* (15, y) впервые зафиксирована в эпоху Тутмоса III (Collombert, Coulon, 2000, p. 213; Stauder, 2013, p. 12). Единственно известный случай употребления этой формы в вышеуказанный период встречается в прямой речи, в надписи из гробницы

⁵ Имеется несколько указаний наличия таксономического *Praesens* в источниках эпохи Тутмоса III (Stauder, 2013, p. 11, примечание 36).

Пахери (транслитерация отрывка приведена А. Штаудером: Stauder *ibid.*, примечание 45).

Таким образом, на основании анализа грамматических конструкций, в двух приведенных случаях из трех установление критерия *ante quem non* может ограничиваться временем правления Тутмоса III. Это означает, что с учетом особенностей грамматики текста повествование, вероятно, не могло быть зафиксировано на письме раньше этого периода. Использование конструкции *hn^c ntf sdm*, предположительно, ограничивает время создания произведения эпохой Аменхотепа II. Однако, учитывая невероятно большой объем произведения, есть основания допускать, что основная повествовательная часть, связанная с противостоянием Морю, могла быть составлена и известна в более раннем варианте: списке, который появился гораздо раньше указанной датировки в прологе, возможно, еще в первые годы правления Аменхотепа II или даже при Тутмосе III. Такой вариант является допустимым, если рассматривать соправление Тутмоса III и Аменхотепа II, начавшееся на 51-м году правления Тутмоса III и продолжавшееся чуть более двух лет (Bryan Betsy M., 2003, p. 241). В этом случае открывается возможность учитывать процесс создания текста в ретроспективе, начиная от периода соправления, что не противоречит ни одной из вышеупомянутых позиций по критерию *ante quem non*. Эта точка зрения позволила бы учесть предпосылки в ходе разработки обширного текста, который едва ли мог быть составлен без опоры на определенную текстовую и композиционную базу, сформировавшуюся к моменту замысла и начала создания произведения.

Как вариант, в качестве критерия *ante quem non* можно рассматривать датировку в прологе повествования (pBN 202). Однако подобный тезис останется всего лишь предположением, не подкрепленным формальными показателями текста, и будет являться одним из частных случаев по отношению к более обширному нижнему пределу, начиная с которого возможно рассматривать время составления произведения.

3. 2. Датировка рукописи pBN 202 и pAmherst 9 как носителя текста

Итак, определив, что время разработки и создания текста могло быть не раньше периода соправления Аменхотепа II и Тутмоса III, необходимо поставить вопрос о датировке дошедшей до нас рукописи с текстом произведения.

В данном случае лингвистический анализ имеет не столь большое значение, как для установления времени создания текста, поскольку грамматические формы и конструкции более раннего периода могут транслироваться в гораздо более поздние списки. Тем не менее, наличие в тексте некоторых особенностей позволило бы сделать вывод о записи текста после эпохи Аменхотепа II.

Так, причастная форма *i.[dd]* в строчке 3, у-1 с характерным для языка нового состояния префиксом *i-*, который появляется перед причастиями, а также относительными формами, встречается с начала XIX дин. (Junge, 2005, p. 66). Не раньше эпохи Аменхотепа III источники фиксируют употребление независимого местоимения *ink* в экстрапозиции (Collombert, Coulon, 2000, p. 214) для выделения агента 1 pers. sg., выраженного соответствующим суффиксом в начале синтагмы (см. 3, у-2; 3, у-1).

Приведенные морфологические и морфосинтаксические особенности не являются, на мой взгляд, определяющим критерием для установления времени создания текста произведения, поскольку по сравнению с анализом большого синтаксиса, включающим рассмотрение грамматических конструкций, они не затрагивают структуру языка характерную для того или иного периода. К тому же для начала и середины второго тысячелетия до н. э. едва ли можно судить о датировке источника по морфологическим изменениям (Stauder, 2013, p. 63). Поэтому вероятно предположить, что упомянутые в данном подразделе особенности морфологии и морфосинтаксиса, более гибкие и изменчивые в отличие от грамматических конструкций большого синтаксиса, имеют

отношение ко времени записи конкретной рукописи, которая может являться списком или даже редакцией известного текста в более позднюю эпоху.

Другим критерием для установления времени фиксации сохранившейся рукописи является палеографический анализ. В статье Ф. Колломбера и Л. Кулона представлен вывод о том, что рукопись без сомнения следует датировать XVIII дин. (Collombert, Coulon, 2000, p. 211). Вместе с тем скорописные особенности некоторых знаков, рассмотренных авторами, характерны также для второй половины XVIII дин. и даже для XIX дин. (Collombert, Coulon, 2000, p. 210-211). Поэтому, несмотря на то, что подобные вариации скорописи не должны, по мнению исследователей, «противоречить датировке рукописи при Аменхотепе II», нельзя не учитывать более поздние свидетельства распространения определенных форм написания знака.

Если все-таки принять во внимание особенности дукта, который с большей долей вероятности относится именно к XVIII дин., в частности, к ее первой половине, то на основании сравнения некоторых скорописных форм из текста с общими закономерностями развития дукта, показанными в палеографии Г. Мёллера, можно обратить внимание на следующие знаки:

- отличие формы знака E1 (1, x+1) близкой к вариантам написания середины XVIII дин. (Möller, 1920, №142) от более позднего дукта, для которого характерно слитное написание, а также неровные, более изогнутые линии (Möller, 1920 *ibid.*; Möller, 1965, Bd. II, №142);
- отсутствие крыльев у идеограммы птицы в слове *3pd* (2, x+4) – особенность, характерная для палеографии XVIII дин. (Möller, 1920, S. 36);
- палеографическое соответствие знака D6 (2, x+4), с двумя штрихами для обозначения бровей, формам записи, представленным в рукописях первой половины XVIII дин. (Möller, 1920, №83). В письменных источниках конца XVIII дин. бровь выписывается, как правило, большим количеством штрихов (Möller, 1965, Bd. II, №83).

Приведенные наблюдения, тем не менее, не дают право безоговорочно датировать сохранившуюся рукопись началом или серединой XVIII дин., позволяя тем самым связать особенности палеографии со временем правления Аменхотепа II. В то же время в тексте представлены знаки, начертания которых характерны для более поздних периодов:

- определенный дукт группы G38:Z1 (1,1) – зафиксирован для второй половины XVIII дин. (Möller, 1965, Bd. II, №216B);
- увеличенная форма рук у знака A30 (1, x+2) встречается во второй половине XVIII дин. (Möller, 1965, Bd. II, №2) и особенно характерна для XIX дин. (Collombert, Coulon, 2000, p. 210);
- дукт для знака N1 \Rightarrow (1, 6; 1, x+5) сопоставляется с формами записи при Аменхотепе IV и Сети I (Möller, 1920, S. 42).

Таким образом, на основании рассмотренных в данном подразделе морфологических, морфосинтаксических и палеографических особенностей, присущих источникам уже после эпохи Аменхотепа II, не стоит исключать предположение о том, что рукопись является списком, который можно датировать второй половиной XVIII дин., а может даже началом XIX дин.

3. 3. Выводы

В результате проведенного анализа по разделу «Датировка источника» удалось установить, что текст произведения был составлен не раньше периода соправления Тутмоса III и Аменхотепа II, что исключает возможность наличия более раннего варианта аналогичного текста, который мог быть впоследствии записан на имя Аменхотепа II. Так, оригиналом произведения, которое включало так называемый пролог (pBN 202) и основную часть (pAmherst 9), служил текст, связанный так или иначе с эпохой Аменхотепа II.

С другой стороны, возникает вопрос, являются ли дошедшие до нас фрагменты рукописи протографом, исходным вариантом текста? За отсутствием каких-либо сравнительных материалов данную проблему едва ли

можно разрешить. Однако если принять во внимание наличие ряда отличительных черт, характерных для источников второй половины XVIII – XIX дин., то с точки зрения текстологии сохранившуюся рукопись можно определить как более поздний список с оригинала, а не протограф, записанный в процессе создания текста.

Результаты, полученные в ходе анализа обеих составляющих проблемы датировки источника, позволяют перейти к более детальному рассмотрению историко-культурного контекста произведения, а также поставить ряд других взаимосвязанных вопросов, например, о цели создания текста в определенный период, с чем связано, в свою очередь, наличие определенной среды читателей – круга лиц, на которых был ориентирован данный текст.

Раздел 4. Историко-культурный контекст произведения

4. 1. Интерпретация датировки в прологе

Для рассмотрения историко-культурного контекста произведения необходимо представлять внешне- и внутрисполитические реалии, которые определяли жизнь страны в предполагаемый период составления повествования: время соправления Тутмоса III⁶ с Аменхотепом II и начало самостоятельного правления последнего. Датировка, с которой начинается текст рBN 202, делает отсылку к пятому году правления Аменхотепа II. К этому времени молодой царь уже совершил свой первый поход на территорию Леванта, в область Тахси (*w n(.j) T-h-s(j)*; Urk. IV. 17, S. 1297:3), вероятно, для усмирения мятежа. Это событие, запечатленное на стеле из Амады и идентичной ей стеле из Элефантины, относится к третьему году правления.

⁶ Факт соправления Тутмоса III и Аменхотепа II подтверждается на материале источников, использованных в статье Д. Редфорда по проблеме данного соправления (Redford, 1965, p. 121-122).

Наиболее убедительное решение острого в свое время вопроса, касающегося упоминания «первого победоносного похода»⁷ Аменхотепа II на седьмом году правления (из текста мемфисской стелы), вопреки фразе *wḏj.t=f tpj.t n.t nḥt* (Urk. IV. 17, S. 1296:15) на стелах третьего года правления из Амады и Элефантины, было предложено Д. Редфордом, который основывался на выводах А. Альта. По мнению исследователя, Аменхотеп II отправился в свой первый военный поход в конце своего соправления с Тутмосом III, когда тот был еще жив. Однако к моменту возвращения Аменхотепа его царственный отец, должно быть, скончался, и надпись о «первом победоносном походе» нового царя была составлена с учетом чуть более двух лет соправления, представляя Аменхотепа II теперь уже как единоличного правителя и как главную фигуру военного предприятия, задуманного и начатого, вероятно, еще при Тутмосе III (Redford, 1965, p. 120-122). Позже при составлении описания походов на мемфисской стеле (и аналогичной карнакской стеле у восьмого пилонa) прежняя нумерация и упоминание о первом походе на третьем году правления, возможно, были забыты или пересмотрены, в результате чего кампания седьмого года была зафиксирована как первая (Redford, 1965, p. 122). Даже если принять во внимание реконструкцию А. Ф. Рейни, согласно которой область Тахси упоминается в надписи на мемфисской стеле (Raine, 1973, p. 71-72) вместо традиционно восстанавливаемого названия Нубии – [*t3 Nḥsj*] (Urk. IV. 17, S. 1301:10), текст на стелах третьего года правления остается самым ранним свидетельством первой военной кампании Аменхотепа II.

В надписи на стеле с острова Элефантина, большей частью идентичной тексту из Амады, имеется приписка, относящаяся к четвертому году правления Аменхотепа II. Согласно этой дополнительной надписи, царь приказывает сделать новые более длинные ткани (возможно, имеются в виду паруса) для водной процессии богов в Элефантине, а также подготовить все необходимое для праздника богини Анукет так, чтобы обычно трехдневные торжества продолжались и на четвертый день (Urk. IV. 17, S. 1299).

⁷ *wḏj ḥmw=f r Rtnw m wḏj.t=f tpj.t n.t nḥt* (Urk. IV. 17, S. 1301:15).

Четвертым годом правления, то есть за год или меньше до даты в прологе исследуемого повествования (pBN 202), датируется также высеченная в скале турских каменоломен стела, текст которой увековечил открытие новых известняковых карьеров в Туре с целью получения камня для строительства храмов (Urk. IV. 17, S. 1448), посвященных, вероятно, тринадцати изображенным богам, среди которых присутствует Астарта (Zivie-Coche, 2011, p. 3, fig. 1). Этот факт позволил Ф. Колломберу и Л. Кулону предположить, что датировка в тексте пролога могла быть связана с закладкой одного или нескольких храмов, строительство которых задумывалось в соответствии с надписью на стеле четвертого года правления (Collombert, Coulon, 2000, p. 223). Высказанная исследователями гипотеза была основана на практике, известной из источников рамессидского времени, а также по надписям в храмах эпохи Птолемеев, где повествование о подвигах и сражении с силами зла предваряло сооружение храма или другой постройки (Collombert, Coulon *ibid.*). Впоследствии Т. Шнайдер уже с большей уверенностью утверждал о связи датировки с точностью до дня во фрагменте pBN 202 с открытием святилища Астарты в Перу-нефер (Schneider, 2003a, p. 161).

Вместе с тем против данного безапелляционного тезиса имеется ряд возражений. Еще А. Гардинер указывал на ошибочность суждения, согласно которому главной темой произведения было введение Астарты в египетский пантеон (Gardiner, 1932a, p. 81). Поэтому маловероятным представляется тот факт, что датировка, с которой начинается повествование, имела какое-либо отношение к богине (закладке ее храма или учреждению культа), занимающей второстепенное положение по отношению к главной теме произведения⁸.

Более того, в тексте отсутствуют прямые указания на сооружение культового места: святилища или храма. В прологе повествования трижды встречается глагол *kd* – «строить», однако лишь в одном случае удастся хоть

⁸ Астарта впервые упоминается во фрагменте второго листа папируса (2, $x+3 - 2, x+4$) в связи с отправкой к ней послания от Ренненет и до этого момента, по-видимому, никак не фигурирует в тексте повествования.

как-то интерпретировать отрывок. В строчке 1, 6 говорится о строительстве памятников, чему предшествует предложение: *iw=tw hr š3 n=f k3j mj t3 p.t* «предопределили ему высоту, подобно небу». По-видимому, речь идет о герое, к которому ранее обращается другое действующее лицо – царь⁹. Отсюда можно предположить, что памятники были посвящены этому герою, в образе которого, вероятно, выступал бог Сет. Однако даже в таком случае нет твердых оснований приписывать датировку в начале текста к сооружению определенных монументов.

Не более чем предположением остается другая попытка связать имеющуюся датировку с конкретным событием: окончанием составления повествования или его декламацией (Redford, 1965, p. 121, примечание 3). Принимая во внимание наличие в тексте синтагматических, или стихотворных точек, кажется вполне вероятным то, что произведение могли читать вслух. Однако если датировка в начале текста имела отношение к декламации произведения впервые после его составления, то указание на год, месяц, сезон и день этого события было добавлено после записи всего произведения. Данное обстоятельство имеет место только в случае рассмотрения рукописи как протографа. Если же сохранившиеся фрагменты повествования являются списком, неважно поздним или ранним, то датировка события была отмечена сразу.

Безотносительно предположений о связи датировки с конкретным событием заслуживает внимания тот факт, что месяц, сезон и день выписаны красными чернилами, в то время как предшествующая запись года и всего последующего текста выполнена черным цветом. Таким образом, создается впечатление, что надпись красными чернилами могла быть той более поздней вставкой, которая позволяла приурочить составление или запись текста к какому-либо событию с точностью до дня, тогда как год, более протяженный период времени, был известен и намечен заранее. Предположительно,

⁹ Более подробно о фигурах царя и воина-героя в прологе изложено в следующем подразделе.

составление белой рукописи могло начаться в указанный пятый год правления Аменхотепа II, а к моменту окончания записи текста был выбран и приписан день определенного месяца и сезона, который так или иначе имел отношение к конкретному событию, будь то первая декламация произведения или нечто иное, о чем в данном случае трудно судить наверняка.

4. 2. Героическая тематика в произведении. Ее соотношение с образом воина-героя на памятниках Аменхотепа II

Военно-героическая тематика произведения находит должное отражение как во вступлении (pBN 202), так и в основной части произведения (pAmherst 9), однако если судить по дошедшим до нас фрагментам, то наиболее яркое ее проявление прослеживается именно в прологе. Текст фрагмента pBN 202 начинается с датировки и царской титулатуры, после чего следуют несколько изречений, характерных для царских надписей. Последующая часть пролога связана как раз с появлением военных атрибутов, упоминанием о подвигах, а также противниках и врагах героя, очевидно, на поле брани. Эту часть, посвященную военной тематике, предваряет фраза, в которой заключена идейно-тематическая основа всего произведения: *«Восстановил [я] [...], сделанн(ое) им для Эннеады, чтобы сразиться с Морем» (1, 2).*

Стоит отметить, что военно-героическая тема, затронутая в прологе, связана с персонажем, которого реферируют местоимения второго и третьего лица. Наряду с ним выступает другая фигура, ведущая повествование, своего рода «рассказчик», представленный от первого лица. Этой *persona dramatis* является, скорее всего, царь, Аменхотеп II, поскольку именно на него указывает выписанный знаком сокола на нашесте личный суффикс первого лица в начале текста: *h^cj.w [...] mj it=j R^c(.w) r^c nb* ; *«Появление [...], подобно отцу моему Ра каждый день» (1, 1-1, 2).*

Таким образом, в прологе повествования представлены два субъекта: герой-воин, которым, должно быть, является бог Сет¹⁰, упомянутый в связи с противостоянием Морю в одном из последних сохранившихся фрагментов рAmherst 9 (15, у), и действующее лицо, через которое выражается сюжетная линия, и в роли которого появляется сам царь. Несмотря на формальные различия между героем и действующим лицом, характерные в большей степени для произведений классической литературы, обе фигуры в прологе рBN 202 непосредственно связаны между собой, по сути, идентичными качествами, проявляя свою воинственную природу. Молодой царь показан преемником героя-воина, обращаясь к подвигам последнего, служащим примером для правителя, «поучающим» его, вероятно, еще до момента воцарения или даже рождения (*sb3.w hr-h3.t=j*); сохраняя память, «повествуя» (*m sdd*) о деяниях божественного героя; а также предпринимая действия для сокрушения его врагов (1, 7-1, 8).

На лексико-семантическом уровне понятие «герой», которое могло хоть как-то соответствовать античному ἥρως, привычному в современном восприятии, передает лексема *t-l*, засвидетельствованная в источниках Нового царства. Форма записи этой основы исключительно средствами новой орфографии характерна для заимствованных слов неегипетского происхождения¹¹. Немаловажным является и то, что данная лексема употребляется в основном в надписях на царских памятниках при описании действий царя, указывающих на его храбрость и отвагу (Большаков, Суцевский, 1991, с. 21). Во фрагменте рBN 202 лексеме *t-l* (1, 3) с притяжательным местоимением множественного числа, подходит значение «доблестные деяния» (Lesko, 2004, vol. II, p. 214), или «подвиги».

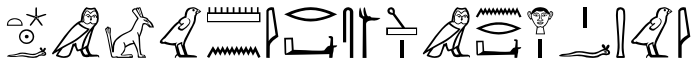
¹⁰ Наиболее примечательная характеристика Сета – его сила передавалась через лексемы *nht* и *t-l*, которые зачастую употреблялись именно по отношению к этому богу (te Velde, 1967, p. 137-138). Возможно, неслучайно эти же лексемы встречаются в прологе повествования «О противостоянии Морю» (1, 3), указывая на непосредственную связь фигуры героя-воина с Сетом.

¹¹ Текст рBN 202 фиксирует самое раннее упоминание лексемы *t-l* (1, 3), которая, как предполагается, происходит от хурритского слова *adal*, употребляемого, в частности, в царских именах (Stauder, 2013, p. 34, примечание 140).

Специфика представлений о героике или героическом идеале в Египте предполагает выделение царской особы наряду с двумя другими уровнями: человека и бога (Большаков, Сущевский, 1991, с. 6), хорошо известными при определении сущности героя в древнегреческой традиции. Наибольшая «степень героизации» царя характерна как раз для Нового царства, что связано с внутренними и внешними условиями развития страны в тот период, когда Египет становится более открытым для внешних контактов. В это же время совершаются беспрецедентные по размаху и количеству военные кампании, так что царь в большей степени укрепляет свое значение как военный лидер, передавая вместе с тем жрецам свою важнейшую прежде функцию поддержания миропорядка через отправление божественного культа (Большаков, Сущевский, 1991, с. 14-15).

Небывалым «героизмом» и удачью отличается образ Аменхотепа II, представленного в текстовых и изобразительных источниках невероятно сильным и одновременно безжалостным воином поистине под стать яростному богу Сету, деяния которого царь превозносит в прологе (pBN 202) и восхваляет в начале pAmherst 9. Показательным в этом отношении является сравнение царя с Сетом в тексте на мемфисской стеле, где говорится, что лик правителя (его выражение лица) является мощным как у Сета, когда тот пребывает в неистовом состоянии: *hr=f shm(.w) mj ... mj Sth m 3.t=f n.t nšn.j* (Urk. IV. 17, S. 1301:17).

Весьма интересен для интерпретации неоднозначный фрагмент надписи на восточной карнакской стеле Аменхотепа II у восьмого пилона. На фотографии памятника (Edel, 1953, Tafel 1) отчетливо виден следующий ряд знаков:

Вместе с тем в публикации надписи в *Urkunden der 18. Dynastie* предложение приводится в измененном виде, при этом делается ссылка на реконструкцию фрагмента как поврежденного, что, вероятно, повлияло на последующие прочтения данного отрывка: *iw hmw=f hr nrə m-s3=[sn] [mj] Mntw m wnw.t=f* (Urk. IV. 17, S. 1311:7;

Klug, 2002, S. 262). Таким образом, запись *Imn{.w}* переосмыслена в сочетание *[m]j Mntw*, а следующее за ним животное Сета рассматривается как искаженно выписанный детерминатив для бога Монта (Urk. IV. 17 *ibid.*). Если же попытаться рассмотреть предложение в исходном виде, то со своей стороны хотелось бы предложить следующий вариант интерпретации:

iw hmw=f hr nrə m-s3 wsr Imn{.w} Sth m wnw.t=f

*«Его Величество внушает страх вслед за силой Амона, Сета в его час (в надлежащее время)»*¹². Подобная интерпретация отрывка позволяет учесть наличие бога Сета, на которого собственно указывает идеограмма в тексте памятника. Таким образом, и в данном фрагменте царской надписи правитель характеризуется за счет сопоставления с божественной силой, носителем которой является бог Сет.

О свирепом нраве Аменхотепа II известно, в частности, по тексту третьего года правления на стеле из Амады, запечатлевшей, как отмечалось выше, сведения о первом победоносном походе молодого царя. После того как правитель убивает своей булавой¹³ семь вождей в области Тахси, на обратном пути в Египет их привязывают головой вниз на носу царского корабля. По возвращению в Фивы тела шести вождей вешают на стене города, а труп одного из них отправляют в Нубию, где его вешают подобным образом на стене Напаты, как поясняется, «для того, чтобы лицезрели победы Его Величества во все времена» (Urk. IV. 17, S. 1297-1298).

¹² Суффикс =f, по-видимому, реферирует бога Сета. Похожий по содержанию фрагмент имеется в тексте «Злоключения Уну-Амона»:

mk i-irj Imn hrw m t3 p.t

iw dj=f Swth m rk=f (pMoscow 120; 2,19)

«Вот, Амон подает голос в небе (и) выпускает Сета в (надлежащее) время».

Таким образом, за счет установления соответствия с отрывком из истории Уну-Амона возможно понять и интерпретировать фрагмент на стеле Аменхотепа II. Амон как верховный бог осуществляет координацию действий, исполняемых Сетом: подавая голос в небе, Амон порождает звук грома и призывает тем самым силу бога Сета, приводящего в действие ненастную стихию, шторм или бурю.

¹³ Данный образ весьма распространен в царской иконографии, показывая египетского правителя держащим одной рукой врага, а другой наносящим удар булавой.

Беспощадность по отношению к врагам, бесспорно, одно из необходимых качеств героя, являлась проявлением отваги, присущей царю, и поэтому зачастую описывалась в царских надписях. Однако в анналах Аменхотепа II можно столкнуться с особой склонностью и даже предрасположенностью к жестокому кровопролитию, зрелище которого непременно доставляет царю удовольствие. Так, в контексте захвата врагов с помощью мощи и силы правитель преисполнен довольства от вида обезглавленных им мятежников (Urk. IV. 17, S. 1301:11-13).

Пожалуй, наиболее известное описание и прославление силы и невероятных воинских способностей молодого царя содержит надпись на так называемой «Стеле сфинкса» в Гизе. В тексте представлены два основных образа правителя, показывающие его необычайное физическое превосходство. Гребет ли он в одиночку барку против течения с помощью весла длиной 20 локтей или же простреливает насквозь медные мишени, управляя при этом колесницей¹⁴ (Urk. IV. 17, S. 1279-1281) – все эти действия неподвластны простому смертному. Но ведь царь и не является человеком в полной мере: в нем заключена также божественная природа, за счет чего он возвышается над остальными людьми, воплощая в какой-то мере представление о герое как сверхчеловеке, являющимся носителем божественной силы и обладающим выдающимися физическими характеристиками, несоизмеримыми со способностями других людей. Физическое превосходство и мощь Аменхотепа II также подчеркивает постоянный эпитет царя – *nb ḥpš*, который неоднократно встречается как в царских анналах, так и в надписях на скарабеех.

Все вышеупомянутые качества и характеристики, предписываемые фигуре Аменхотепа II, его свирепый неустрашимый нрав и непосредственное сравнение с Сетом, возможно, способствовали сближению царя с образом этого яростного бога в рассматриваемом повествовании и, прежде всего, в прологе,

¹⁴ Наглядно данный образ показан на рельефном изображении, найденном около третьего пилона в Карнаке (Chevrier, 1928, p. 126, fig. 5).

превозносящем божественного героя, в роли которого, вероятно, выступает как раз бог Сет, сумевший победить Море.

В египетских источниках тема противостояния Сета морской стихии отражена в нескольких отрывках медицинских и магических текстов, где воинственный бог способен усмирить Море своим голосом (pBerlin 3038 [189] 20, 9; 21, 1-3) либо заморозить его (*šnj*) (pHearst 11; 12-15), что соответствует тематике подобного рода текстов. Вместе с тем в прологе pBN 202 представлена военная тематика, а в последнем сохранившемся фрагменте pAmherst 9, возможно, присутствует указание на сцену сражения с Морем: *iw p3 I-m hr h3c* [...] «И Море бросило [...]» (pAmherst 9, Vso, (b)). Так, противостояние протагониста в повествовании основано на применении силы, способной уничтожить вредоносного противника. Действия персонажа носят, таким образом, разрушительный характер, а сам он представляет собой героя-деструктора – яростного и непредсказуемого, подчас теряющего самообладание и доходящего до безумия, «толкающего на самые невероятные и дикие поступки» (Большаков, Суцевский, 1991, с. 5). Подобная характеристика вполне соответствует образу Аменхотепа II, рассмотренному на основании вышеприведенных источников, а также связанному с ним в повествовании воинственному богу Сету.

Вместе с тем герою в подлинном смысле слова, или «чистому» герою – «стихийному сокрушителю существующего», как отмечает А. О. Большаков, противостоит культурный герой-организатор, действия которого направлены на созидание и благоустройство с помощью разумных преобразований (Большаков, Суцевский, 1991, с. 4). В тексте повествования «О противостоянии Морю» в роли культурного героя могла выступать Эннеада. Покорно исполняя вначале волю Моря, Эннеада неоднократно передает ему дань через богиню Ренненет. Впоследствии эта же богиня отправляется с поручением к Астарте, вероятно, снова по распоряжению Девятки богов, которая старается разрешить конфликт мирным путем. Однако когда жадный до приношений владыка продолжает требовать дань, желая получить бусины Нут, печать Геба и,

возможно, другие божественные дары, которые доставляют Морю, пронося через ворота (10, у), Эннеада решает призвать на помощь Сета, способного сокрушить противника своей грозой силой.

Интерпретируя развитие данной сюжетной линии в широком смысле, можно отметить, что в повествовании представлен таким образом последовательный ряд методов воздействия на стороннюю враждебную силу, начиная от выражения покорности, переходя к попыткам найти компромисс и, наконец, вследствие неудачной реализации предшествующих шагов, вступление в открытое противостояние, нацеленное на уничтожение противника. На основании преобладания военной тематики и прославления героя-воина и его подвигов в прологе, нетрудно догадаться, что успешный исход в противостоянии мог решиться не иначе как в сражении между двумя противоборствующими сторонами. Отсюда вполне очевидно, что Аменхотеп II, представленный в прологе как лицо, ведущее повествование, отдает предпочтение именно последнему методу воздействия с помощью силы, что, в свою очередь, объясняет доминирующую роль воина-героя или героя-разрушителя по отношению к культурному герою-организатору в тексте произведения.

4. 3. Свидетельства распространения ближневосточных культов

Баала и Астарты при Аменхотепе II

В данном подразделе хотелось бы охарактеризовать сведения о распространении культа Астарты и Баала, дошедшие от эпохи Аменхотепа II. Место, которое занимали эти семитские божества в египетском пантеоне, и роль, которую они играли в религиозных представлениях, очевидно, способствовали созданию повествования «О противостоянии Морю», нередко сопоставляемого с рядом ближневосточных текстов со схожей тематикой.

С богиней Астартой связана одна из сюжетных линий, запечатленная в дошедших до нас фрагментах когда-то небывало обширного произведения. Действуя вместе с Ренненет на стороне Эннеады, Астарта, тем не менее, не

является автохтонным египетским божеством. Ее культ, как предполагается, был введен во время правления Аменхотепа II, о чем, в частности, свидетельствует надпись и изображение на блоке из турецких каменоломен, о котором говорилось выше. В египетских источниках предшествующего периода не сохранилось никаких упоминаний об Астарте, однако, учитывая многочисленные походы Тутмоса III на территорию Леванта, не исключена возможность того, что появление культа ряда семитских божеств на египетской земле было связано с активной внешней политикой этого великого царя-завоевателя.

В надписи над изображением Астарты на турецкой стеле богиня названа «Передней Перу-нефра» (*ʿ-s-t-r-t hnt.t Prj(.w)-nfr*), что указывает на связь с определенным местом – предположительно, портом Мемфиса, важной торговой и военной точкой (Zivie-Coche, 2011, р. 3). Не только Астарта, но и другие иноземные божества имели отношение к топониму Перу-нефер, находясь под эгидой Амона – «господина Перу-нефра» (Zivie-Coche *ibid.*).

Упоминание об Астарте содержит также надпись на «Стеле сфинкса» в Гизе, описывающая невероятные способности Аменхотепа II. В последней части текста показана исключительная забота и любовь молодого царевича к лошадям, благодаря чему он получает признание своего отца, Тутмоса III, решившего вручить ему страну, провозгласив «в своем сердце» господином всей земли (Urk. IV. 17, S. 1281:8-19). Затем Тутмос III распоряжается выдать своему сыну хорошую лошадь из царской конюшни Мемфиса. Когда же Аменхотеп успешно справляется с порученной ему задачей ухаживать за царской лошадей, так что ему удастся взрастить небывалых по силе и выносливости жеребцов, Астарта и Решеф остаются довольны им, исполняя все, что бы ни пожелало его сердце (Urk. IV. 17, S. 1282:15).

Как следует из содержания приведенного отрывка, а также из примеров более поздней иконографии богини, Астарта особо почиталась как покровительница царских лошадей и колесниц. Так, богиня имела прямое отношение к фигуре царя, его военным атрибутам, поэтому именно царь мог

являться главным адептом культа Астарты и основным инициатором его введения в Египте в связи с распространением своего влияния в Восточном Средиземноморье, а также с уже отмечавшимся усилением военной роли египетского правителя.

Более того, происхождение обоих памятников с упоминанием Астарты из мемфисского региона указывает на связь богини с этой местностью, где мог зародиться ее основной центр почитания. В повествовании «О противостоянии Морю» Астарта называется дочерью Птаха – *t3 šrj.t Pth* (2, x+18), что также подчеркивает ее близость к Мемфису за счет родства с наиболее почитаемым богом этого города.

Рассматривая особенности распространения культа Баала в Египте, хотелось бы понять, насколько образ этого семитского божества, известный по урагитскому сюжету о борьбе Баала с Йамму (воплощением Моря, как и в египетском источнике), мог повлиять на образ протагониста, бога Сета в египетском повествовании «О противостоянии Морю». Относительно истоков зарождения культа Баала на территории Египта и степени отождествления этого бога с египетским Сетом существуют разные мнения. С одной стороны, на основании интерпретации изображения на цилиндрической печати из Телль эль-Даба начало распространения культа Баала-Цафона относят ко времени правления XIII династии, которым датируют этот памятник, уподобляя при этом семитское божество Сету (Bietak, Foster-Müller, 2011, p. 28, 29, 36). С другой стороны, отмечается отсутствие эпиграфических документов с упоминанием Баала в гиксосский период: немногочисленные источники фиксируют исключительно имя Сета, что дает повод говорить о принятии гиксосами культа египетского бога (Zivie-Coche, 2011, p. 3). Кроме того, ни в царских надписях, ни в какой-либо другой официальной документации XVIII династии не отражено никаких признаков синкретизма Сета-Баала (te Velde, 1967, p. 120).

Как бы там ни было, самое раннее упоминание Баала относится, как и в случае с Астартой, ко времени правления Аменхотепа II и касается

жертвоприношения Баалу в Перу-нефер (te Velde, 1967, p. 122; приводится ссылка на папирус pPetersburg 1116 A, Vso, 42). Таким образом, как Астарт, так и Баал были связаны с портовым районом Мемфиса, и составитель повествования «О противостоянии Морю», скорее всего, был осведомлен о месте почитания и культе этих божеств, так что представления о них могли оказать должное влияние при создании произведения. Вместе с тем в отличие от упоминания Астарты, в сохранившихся фрагментах повествования нет прямого указания на Баала. Независимо от этого, принимая во внимание вышеупомянутое отсутствие материала по сближению культа Баала и Сета при XVIII дин., а также тот факт, что непосредственное сравнение с Баалом наблюдается в царских памятниках уже при XIX и XX дин. (te Velde, 1967, p. 129), можно сделать предположение, что в эпоху Аменхотепа II бог Сет не был тождественным семитскому Богу Грозы. Скорее всего, имела место несколько иная ситуация: функции, роль и качества чужеземного Баала воспринимались через призму характеристик египетского Сета, заключавшего в себе представления о боге сопредельной территории. Ведь неслучайно Сет считался хозяином земель за пределами Египта, тогда как Баал являлся одним из воплощений Сета, который, в свою очередь, воспринимался как представитель и других иноземных богов: ливийского Аша или хурритского Тешуба (te Velde, 1967, p. 109, 114, 119).

Таким образом, несмотря на свидетельства бытования и, возможно, даже зарождения культа Баала в Египте при Аменхотепе II, этот семитский бог еще не занимал такого видного положения, как при XIX дин.¹⁵. Поэтому в роли протагониста и прославляемого героя-воина в повествовании «О противостоянии Морю» следует рассматривать именно Сета, в образе которого

¹⁵ Стороны, имеющие разные мнения относительно начала распространения культа Баала в Египте, все же сходятся на том, что с начала Нового царства первые свидетельства явного уподобления Сета Баалу появляются при XIX дин. (Bietak, Foster-Müller, 2011, p. 36; Zivie-Coche, 2011, p. 3; te Velde, 1967, p. 124, 129). В частности, особое значение имеет Стела четырехсотого года, установленная Рамзесом II в Пер-Рамсесе. На памятнике сохранилось изображение Сета в азиатском одеянии и с рогатым шлемом на голове.

могли присутствовать отдельные черты и характеристики Баала, однако последний не отождествлялся в полной мере с египетским богом.

Раздел 5. Анализ литературных аспектов повествования

5. 1. Вопрос влияния ближневосточной традиции на египетское повествование «О противостоянии Морю»

Мотив противостояния морской стихии, которую одолевает бог, связанный с бурей, штормом – не менее грозными силами природы, представлен в письменной традиции всех основных культур Ближнего Востока второго тысячелетия до н. э. Египетские, угаритские, месопотамские и хеттские источники, объединенные схожей тематикой, стали предметом сравнительного анализа целого ряда научных работ. Последней из ныне известных публикаций по данной теме является статья Н. Аяли-Даршан, в которой, резюмируя результаты предыдущих исследований, автор выделяет две основные точки зрения по вопросу бытования и взаимного влияния текстов с темой противостояния Морю. Одни исследователи, мнение которых, очевидно, разделяет автор статьи, указывают на различия и особенности сюжетов в каждой культуре, в то время как другая часть, соответственно, выступает за сближение текстов с общей тематикой, делая, согласно Н. Аяли-Даршан, необоснованные реконструкции (Ayali-Darshan, 2015, p. 22).

Так или иначе, фрагменты египетского повествования вместе с рядом ближневосточных текстов составляют единый корпус источников по теме противостояния Морю, что делает возможным предположение о зарождении, бытовании и распространении определенного универсального текста на территории Ближнего Востока. Ведь, наверное, неслучайно эпизод рAmherst 9, в котором Астарта встречается с Морем, находит соответствие с фрагментом «Песни об Улликумми», хеттской версии хурритского мифологического эпоса (Güterbock, 1951, p. 135). Так, в одном из отрывков хеттского произведения богиня Иштар начинает петь на берегу моря, пытаясь очаровать и смягчить

грозного гиганта Улликумми, выросшего посреди морских вод (Güterbock, 1951, p. 139; Güterbock, 1952, p. 15). Подобным образом в египетском повествовании Астарта пытается привлечь внимание Моря: *(причем) [она] пела, насмехаясь над ним [...]* (2, x+17). Однако в отличие от песни Иштар для Улликумми исполнение Астарты оказалось не напрасным: Море приветило пришедшую к нему богиню (2, x+18 – 2, x+19). В этом же эпизоде слова, с которыми Море обращается к Астарте, можно представить как аллюзию на «Сошествие Инанны в Подземное царство» (см. комм. 25).

Сопоставления подобного рода отчасти подтверждают наличие в ближневосточном регионе общего культурного и текстового фонда, на основе которого на разных территориях могла возникнуть своя версия повествования о противостоянии Морю. Подходя к вопросу влияния других источников этой общей традиции на египетское изложение, необходимо попытаться соотнести тексты по времени их фиксации и распространения на той или иной территории, рассматривая три основные культурно-исторические области Ближнего Востока: Малую Азию (зона влияния хетто-хурритской культуры), Левант (наследие угаритской письменной традиции) и Месопотамию.

Наиболее раннее упоминание мотива противостояния Морю в анатолийском регионе известно по материалам фрагментарных хурритских источников, найденных на территории древней Хаттусы, в районе современного поселения Богазкёй. Небольшой архив табличек СТН 785, связанных с ритуалом для горы *Hazzi* (Цафон), а также разрушенный текст KUB 45.63, получившие условное наименование «Песнь о Море» (Ayali-Darshan, 2015, p. 23-24), могли являться той литературной, текстовой базой, которая была воспринята впоследствии культурой Хеттского царства, сложившегося в XVII в. до н. э. (Дьяконов, 1988, с. 124), и получила отражение в «Песне об Улликумми» и «Песне о Драконе Хедамму» – хеттских мифологических эпосах. Оба сюжета принадлежат к так называемому циклу о боге Кумарби, составление которого относят к XV в. до н. э. (Walton, 2006, p. 48).

Серединой второго тысячелетия до н. э. датируют также угаритский цикл о Баале (Walton, 2006, p. 49), включающий повествование о борьбе Баала с Йамму. Согласно И. Ш. Шифману, середина XIV в. до н. э. является более точным временем письменной фиксации большинства угаритских памятников словесности, в том числе произведений из цикла о Баалу (Шифман, 1987, с. 59). Считается, что в основу этих текстов была положена священная жреческая традиция, которая сохранялась в местных храмах и передавалась через поколения (Шифман *ibid.*).

В угаритском тексте о борьбе Баала с Йамму заслуживает внимания один из фрагментов, в котором упоминается приход посланников Йамму к богам во главе с Илу. В работе Т. Шнайдера данный эпизод приведен с целью интерпретировать значение лексемы *š3k3* (см. комм. 12).

Вполне вероятно, что в утраченных строках первого листа или в начале второго листа pAmherst 9 (1, x+9 – 2, x+3), имелся отрывок, сравнимый с фрагментом угаритского текста. Так, призыв к Девятке богов могли осуществлять посланники жадного до приношений правителя (1, x+13; 2, x+3), упомянутые, возможно, в разрушенном фрагменте текста. На данное предположение отчасти указывает следующее обстоятельство.

В рассмотренном отрывке угаритского повествования упоминается «общество богов» (Шифман, 1999, с. 467) или «собрание», к которому Йамму отправляет своих посланников (Шифман, 1999, с. 466). Равным образом в тексте pAmherst 9 имеется указание на своего рода «собрание» (точнее «совет») – *knb.t* (1, x+9), откуда, вероятно, доставляли дань Морю¹⁶. Примечательно, что лексическое значение *knb.t* – совет представителей местной администрации (WB V, S. 53:12) соответствует угаритским терминам, употребленным в контексте собрания божеств: **phr** – изначально народное собрание, и **m'd** – также обозначает собрание (Шифман, 1999, с. 486).

¹⁶ Таким образом, ввиду сравнения с фрагментом угаритского источника, неточным является общепринятый перевод *m knb.t* как «в совет» (строка 1, x+9).

В целом же, несмотря на присутствие в угаритском и египетском текстах, казалось бы, аналогичных фигур протагониста (Сет – Баал) и антагониста (Море – Йамму), борьба которых представляет основную тему повествования, оба источника отличаются друг от друга с точки зрения роли и характеристики главных противоборствующих сил, насколько возможно судить по сохранившимся фрагментам двух произведений. Более подробно данный вопрос будет затронут в следующем подразделе. Пока же, возвращаясь к рассмотрению источников о противостоянии Морю в трех ближневосточных регионах, следует перейти к последнему не менее важному центру – Месопотамии.

Подобно тому, как основной идеей угаритского текста о борьбе Баала с Йамму является утверждение Богом Грозы царской власти, что обеспечивает ему видное положение среди других богов, вавилонский эпос «Энума элиш» знаменует возвышение бога Мардука в качестве главы пантеона (Walton, 2006, p. 46). В начале текста, вероятно, так же, как и в египетском повествовании, имеет место конфликт богов с Тиамат – воплощением первобытного океана, морских вод, которое впоследствии одолевает Мардук.

Вместе с тем месопотамское повествование значительно отстает по времени записи текста от рассмотренных источников Угарита и Анатолии. Самые ранние списки «Энума элиш» были составлены в Среднеассирийский период и датируются, таким образом, не раньше X века до н. э. (Ayali-Darshan, 2015, p. 47, примечание 79). С точки зрения Н. Аяли-Даршан, эта более поздняя версия повествования из месопотамского региона представляет собой вторую редакцию (Version B) ближневосточной мифологемы о борьбе с персонификацией морской стихии (Ayali-Darshan, 2015, p. 51). К более ранней версии (Version A), соответственно, относятся египетский, угаритский и хеттский варианты повествования (Ayali-Darshan *ibid.*). Так или иначе, следует отметить, что предположительная аллюзия одного из эпизодов египетского повествования «О противостоянии Морю» на шумерский текст («Сошествие Инанны в Подземное царство») Старовавилонского периода не исключает

возможности наличия в месопотамской традиции сюжетов, связанных с темой противостояния Морю, еще до составления «Энумы элиш» в конце второго тысячелетия до н. э.

Таким образом, по результатам проведенного хронологического обзора основных ближневосточных источников, отражающих мотив борьбы с разрушительной силой морской стихии, письменная фиксация угаритского текста, а также хеттских эпосов из цикла о боге Кумарби относится к тому же периоду, что и время составления египетского повествования, то есть к середине второго тысячелетия до н. э. Более синхронными оказываются египетское повествование «О противостоянии Морю» и хеттская «Песнь об Улликумми», а также «Песнь о Драконе Хедамму», в то время как угаритский текст о борьбе Баала с Йамму появляется несколько позже. Так, влияние угаритской версии противостояния Морю на египетское изложение представляется маловероятным. Единственной возможностью оказывается предположительное воздействие устной и главным образом культовой традиции Угарита, однако, как отмечалось выше и будет рассмотрено в следующем подразделе, в угаритском и египетском сюжетах идея конфликта выражена по-разному.

Более поразительное сходство египетских фрагментов наблюдается с хеттским текстом СТН 346.9, так называемой «Песней о Море». В обоих повествованиях вначале представлен отрывок космогонического характера, после чего говорится о принесении даров Морю (транскрипция и перевод хеттского текста: Ayali-Darshan, 2015, p. 30). Хеттский источник традиционно рассматривают в связи с циклом о боге Кумарби и, вероятно, соотносят по датировке с остальными произведениями цикла. Вместе с тем данный фрагмент близок по тематике более ранним хурритским текстам, объединенным под аналогичным названием – «Песнь о Море», как упоминалось выше.

Таким образом, хурритское изложение сюжета о противостоянии Морю, предшествующее вариантам XV в. до н. э., оказывается, возможно, наиболее созвучным египетскому повествованию. На основании этого нельзя однозначно

утверждать о влиянии какой-либо одной местной (точнее региональной) традиции на другую. Вместе с тем с точки зрения текстологии египетский сюжет, обладающий сходством с более ранней версией повествования, находится ближе к архетипу, чем хеттские источники, совпадающие по времени создания с египетским текстом, однако уже отличающиеся своим особым вариантом изложения, своей редакцией, вероятно, значительно отстоящей от архетипа. Поскольку в разделе по датировке удалось показать, что для составления текста на фрагментах pBN 202 и pAmherst 9 имеется *terminus post quem* (эпоха соправления Тутмоса III и Аменхотепа II), то египетское повествование могло быть напрямую связано с архетипом – предполагаемым исходным источником, от которого произошли все последующие списки и редакции произведения, представленные в разных регионах Ближнего Востока.

Истоки архетипа, к которому восходят все ближневосточные варианты повествования о противостоянии Морю, вероятно, следует искать на территории Ханаана, где, как отмечает Н. Аяли-Даршан, поклонение Астарте и Йамму (Морю) было естественным образом связано с горой Цафон¹⁷ (Ayali-Darshan, 2015, p. 50). С этой точки зрения для египетской культуры, как и для всех остальных ближневосточных центров¹⁸, сюжет противостояния персонификации морской стихии оказывается заимствованным, воспринятым извне, несмотря на наличие в версии каждого региона, безусловно, своих отличительных характеристик.

¹⁷ Следует отметить, что гора Цафон считалась также местом обитания Баала, покорителя морской стихии, связанного с грозой и бурей в ханаанской традиции.

¹⁸ Не исключением является и Угарит, поскольку сохранившийся текст о борьбе Силача Баала с Йамму представляет более позднюю местную традицию, отличаясь от предшествующих версий (египетской и хетто-хурритских), и поэтому не может восприниматься как вариант, наиболее приближенный к архетипу.

5. 2. Особенность идеи конфликта в египетском повествовании

«О противостоянии Морю»

За счет того, что текст pBN 202 и pAmherst 9 находится, предположительно, в непосредственной близости от архетипа – исходного варианта сюжета «О противостоянии Морю», интерпретация египетского источника приобретает особое значение.

В начале pAmherst 9 имеется разрушенный и сложный для понимания отрывок космогонического характера, вероятно, описывающий формирование обитаемого пространства, появление и расширение поверхности земли (досл. суши, почвы – *p3 iwt n*), где зарождается жизнь:

«[...] небо. Когда же [...] почву, (причем) почва была умиротворена [...]
(1, x+3)

[...] почва породила [...] четыре берега [...] посреди него, подобно водам [...]
(1, x+7; 1, x+8).

В ходе данного космогонического процесса упоминается Море и, вероятно, принадлежащий ему трон правителя (1, x+6; 1, x+8), что указывает на изначальное владычество этого персонажа над всем пространством или по крайней мере над его значительной частью. По сути, именно в рамках этой преамбулы о сотворении мира закладываются предпосылки неизбежного конфликта с Морем – воплощением неукротимой стихии, противопоставленной упорядоченному устройству космоса. Уже в начале повествования Море предстает в качестве властного правителя, для которого несут дань – залог подчинения и покорности (1, x+9). Божество Ренненет несколько раз приносит дань от Эннеады, к которой впоследствии приходят предполагаемые посланники Моря с требованием доставить дань вновь, вероятно, в сопровождении самой Девятки богов (см. комм. 23). Последний гипотетически восстанавливаемый эпизод сравнивался выше с фрагментом угаритского

повествования, в котором именно на данном этапе зарождается конфликт между Баалом и Йамму¹⁹.

Напротив, в египетском источнике становится известно гораздо позже о начале противостояния Морю. Упоминание о сражении, задуманном Эннеадой и, возможно, другими богами, сохранилось лишь в отрывке 15, у:

«[...] твой/ты [...], чтобы сразиться с ним; ведь он сел спокойно.

Он не придет сразиться с нами.

(И) Сет сел».

До этого момента в тексте, по всей видимости, отсутствуют прямые указания на открытое противостояние богов Морю. Так или иначе, после эпизода, где от Эннеады требуют дань, следует довольно обширная часть повествования, в которой появляется богиня Астарта в качестве посредника между Эннеадой и Морем с целью уладить нарастающее разногласие. Этот повествовательный блок с участием Астарты отсутствует в угаритском тексте, где на этапе зарождения конфликта богиня играет не столь примечательную роль: она появляется лишь раз во время собрания богов и в паре с Анат сдерживает гнев Баала против посланников Йамму (Шифман, 1999, с. 468).

Особого внимания заслуживает различие ролей и характеристик Сета и Баала, Море и Йамму, соответственно, в египетском и угаритском источниках. В рAmherst 9 упоминание о Сете сохранилось лишь во фрагменте 15, у, как раз в связи с планируемой битвой. На основании этого небольшого отрывка можно предположить, что Эннеада и, возможно, другие божества обращаются к Сету с просьбой выступить против Моря, которое, в свою очередь, не выражает стремления сражаться. Таким образом, Сет вовлекается в конфликт со стороны и исполняет волю других богов, являясь противником Моря по сути своей воинственной природы, образа доблестного идеального героя, которого прославляют в прологе – рBN 202 и в начале рAmherst 9 (1, x+1).

¹⁹ Посланники Йамму, прибывшие в собрание богов, передают требование своего господина выдать на расправу Баалу, упоминая также о намерении завладеть его золотом, после чего Баалу приходит в ярость, пытаясь немедленно избавиться от пришедших к нему обидчиков (Шифман, 1999, с. 467-468).

Основная тема угаритского повествования – борьба Баала с Йамму за царскую власть, как отмечает И. Ш. Шифман (Шифман, 1999, с. 54). Так, Баалу является непосредственным противником Йамму и в ходе борьбы с ним представляет исключительно личные интересы, пытаясь удержать свое главенствующее положение.

Образы Моря и Йамму также обладают отличной друг от друга характеристикой. Как уже отмечалось в начале анализа рAmherst 9, Море выступает единолично в качестве властного независимого правителя, с которым должны считаться, но в тоже время ему противостоит остальной мир и другие боги. Последнее обстоятельство определяет уязвимость этого персонажа, ибо действуя само по себе и не имея никакой поддержки со стороны, Море не проявляет решимости вступить в схватку с богами, что отчасти подтверждает его обращение к Астарте: «...*Что я сам сделаю против них?*» (3, у-2; 3, у-1) и, вероятно, относящаяся к нему характеристика в строке 15, у: [...] *твой/ты [...], чтобы сразиться с ним; ведь он сел спокойно. Он не придет сразиться с нами.*

В угаритском тексте Йамму поддерживает Илу – «бог в собственном смысле», известный по письменным источникам как творец творения (*bny bnwt*) (Шифман, 1987, с. 56). В разрушенном фрагменте под номером IV в публикации И. Ш. Шифмана, по всей видимости, Илу нарекает Йамму своим «Любимцем» и призывает изгнать Баала с царского места: «[с трона] властительского его», оправдывая свои намерения презрительным отношением к нему Баала (Шифман, 1999, с. 464). Кроме того, сам Илу выдает Баала посланникам Йамму на собрании богов:

«Раб твой Баалу, о Йамму,

раб твой Баалу, <Судия> [Речн]ой,

сын Дагану – пленник твой!

Он принесет дань тебе, как боги,

[он] принесет, как сыны Святого, дары тебе!» (перевод И. Ш. Шифмана; Шифман, 1999, с. 467).

В отличие от единоличной воли Моря в pAmherst 9 действия Йамму обусловлены поддержкой более властной и могущественной силы, исходящей от Илу – по сути, главы угаритского пантеона. С одной стороны, Илу стоит над основной линией противостояния Баал – Йамму (окончательный исход конфликта решается в личном поединке двух антагонистов), и в тоже время именно за счет его покровительства Йамму получает возможность и своего рода дозволение выступить против Баала.

Таким образом, несмотря на высокую степень разрушения фрагментов pBN и pAmherst 9, можно судить об основополагающих особенностях идеи конфликта в египетском изложении по сравнению с угаритским текстом о борьбе Баала с Йамму. Хотя угаритский цикл произведений о Баалу имеет прямое отношение к ханаанской традиции, вероятно, породившей сюжет о противостоянии морской стихии, источники из Угарита носят отпечаток сугубо локальных культовых и идеологических представлений. Так, угаритская культура имела, по-видимому, свой особый путь развития, разделяя вместе с тем историко-культурное пространство Ханаана.

Между тем в египетских источниках, как отмечалось выше, тема противостояния Сета морской стихии известна по трем отрывкам медицинских и магических текстов. Фрагмент из pHearst, в котором представлена египетская лексема *w3d-wr*, предшествует по датировке тексту pBN и pAmherst 9²⁰, тогда как два других отрывка, запечатлевших семитскую лексему *p3 j-m*, принадлежат к более поздней эпохе: папирус pBerlin 3038 относят к середине XIV века до н. э. (Leake, 1952, p. 7), а Лейденский магический папирус I 343+I 345 можно датировать концом XVIII – началом XIX дин. на основании палеографических данных²¹. Таким образом, возникает определенная вероятность того, что тема противостояния Сета морской стихии была представлена в египетской культуре еще до составления повествования «О противостоянии Морю» и так или иначе

²⁰ Медицинский папирус pHearst датируется началом XVIII дин. (Collombert, Coulon, 2000, p. 206, 207).

²¹ Более точные данные по датировке Лейденского папируса, вероятно, представленные в публикации А. Massart, “The Leiden Magical Papyrus I 343+I 345”, оказались недоступны.

была адаптирована в рамках этой культуры, на что в определенном смысле указывает употребление в отрывке рHearst египетской, а не семитской лексемы для обозначения Моря, против которого выступает Сет.

Безусловно, приведенное суждение может быть подвергнуто сомнению в силу недостаточного количества сравнительного материала известного на данный момент. Тем не менее на основании сделанного предположения возникает закономерный вопрос о том, насколько соответствуют идея и главная тема повествования «О противостоянии Морю» египетской системе мировосприятия.

С точки зрения идейного замысла основной повествовательной части можно рассмотреть следующие два варианта. С одной стороны, антагонист повествования – Море (*p3 I-m*), по-видимому, представляющий персонаж чужеземной культуры, видится как воплощение разрушительной силы, которая вторгается в мир египетских богов – Эннеады: от божественной Девятки требуется выражение покорности, гарантом которой выступает дань. С другой стороны, Море, появляющееся в космогоническом отрывке, могло иметь отношение к описанию творения мира и представлять, в частности, некое подобие «Первобытных Вод», откуда согласно гелиопольскому варианту мироздания впоследствии выделяется Первородный Холм, что знаменует начало земной жизни (*'nh*) и становление мирового Порядка (Маат) (van Dijk, 1995, p. 1699, 1700). Аллюзия на гелиопольскую космогоническую модель возникает, в том числе благодаря наличию Эннеады, противостоящей персонификации морской стихии.

В любом случае в основе того или иного гипотетического замысла лежит антитеза беспорядочного, разрушительного и, по сути, инородного начала, воплощенного в образе Моря, и гармонично устроенного мира, с которым связана египетская Эннеада. Подобная дихотомия и дуализм были свойственны многим культурам древнего мира. В частности, в системе египетского мироописания закрепились такие полярные категории, как хаос – Маат; пустыня и необитаемая земля (*dšr.t*) – заселенная земля, собственно Египет

(*km.t*); Дельта – Долина: Север – Юг²²; Египет (*t3-mrj.j*) – чужеземные страны (*h3s.w.t*).

Таким образом, основная тема повествования «О противостоянии Морю» вполне соответствует мироописательной модели и в некотором смысле космогоническим представлениям, отраженным в египетской культуре.

Особого внимания заслуживает положение Сета в произведении: являясь, по сути, частью Эннеады, он выступает отдельно во фрагменте 15, у и, вероятно, в прологе («Восстановил [я] [...], сделани(ое) им для Эннеады, чтобы сразиться с Морем» – строка 1, 2) как олицетворение воинственной силы божественной Девятки. Так, Эннеада выделяет его среди других богов и избирает защитником своих интересов, за счет чего Сет оказывается на одной стороне с египетскими богами, представляющими упорядоченный мир, устроенный по принципам Маат и противостоящий враждебному и беспорядочному началу – Морю.

Традиционный образ Сета был связан в основном с разрушительными силами природы: бурей, штормом, грозой, будучи сопряженным, таким образом, с миром хаоса, противопоставленным Маат. Вместе с тем, несмотря на негативное воздействие вышеперечисленных природных явлений, все они воспринимались как неотъемлемая часть мироздания, которая хотя и находилась в подчинении Маат (van Dijk, 1995, p. 1701), имела непосредственное отношение к мироустройству в целом.

В контексте повествования «О противостоянии Морю» Сет представлен, очевидно, в положительном аспекте: он действует заодно с Эннеадой и выступает защитником Маат. Однако в целом было бы неправильно разграничивать положительные и отрицательные стороны, присущие тому или иному богу, или же давать однозначную оценку его действиям, качествам и характеристикам. Так, бесспорно, яростные грозные силы Сета могут быть направлены на осуществление благих целей: в заупокойных текстах Сет часто появляется в солнечной барке Ра, помогая сражаться с Апофисом. С помощью

²² Часто упоминается плавание на север – *hdj.t* или на юг – *hntj.t*.

магических заклинаний Сет вместе с Исидой лишают Апофиса силы в седьмом часу «Книги Амдуат» (Hornung, 1999, p. 38). В отличие от Сета, Апофис является собой исключительно злое начало, поскольку, как отмечает Вельд, он «никогда не почитался как бог», будучи воплощением самого хаоса (te Velde, 1967, p. 103). В этом отношении его характеристика сопоставима с образом Моря в исследуемом повествовании.

Таким образом, в египетском тексте, вероятно, не без осознанного заимствования из ханаанской традиции, в качестве антагониста Сета представлен персонифицированный образ морской стихии, нехарактерный для египетской культуры, однако схожий по своей природе с исконно египетским воплощением хаоса в виде змея Апофиса. Сохранение в повествовании чужеземного персонажа в качестве главного противника героя, несмотря на наличие в роли последнего бога Сета, еще не отождествляемого с семитским Баалом, как было показано раньше, могло быть обусловлено историко-культурным контекстом создания произведения, в частности, захватнической политикой Аменхотепа II в сиро-палестинском регионе. Данное предположение при более детальном рассмотрении могло бы подвести к цели создания произведения, о чем пойдет речь в следующем, последнем разделе настоящей работы.

Раздел 6. Предполагаемая цель создания произведения

Продолжив завоевательную политику Тутмоса III, Аменхотеп II совершил три кампании на территорию Леванта, несопоставимые по количеству военных походов своего отца. Несмотря на это, с учетом пятого года правления в прологе pBN 202, делающего так или иначе отсылку почти к началу правления, молодой царь, вероятно, стремится связать себя с прославляемым в начале повествования героем, претендуя на то, чтобы являться продолжателем его деяний: совершать подвиги, завоевывать победы (1, 3). Однако самым главным, что можно почерпнуть из сохранившегося текста pBN 202, является приобщение царя к противостоянию сторонним и несвойственным египетской

стране силам хаоса, воплощенным в образе Моря. Эта идея выражена, хотя и неполно, в ключевой фразе: «*Восстановил [я] [...], сделанн(ое) им для Эннеады, чтобы сразиться с Морем*» (1, 2). Воссоздавая что-то материальное, по-видимому, памятники или храмы, посвященные победителю морской стихии – богу Сету, сам царь, таким образом, оказывается причастным к борьбе с беспорядочным началом чуждым для египетской страны, в норме управляемой по принципам Маат.

Как отмечалось выше при характеристике героической темы в повествовании, предпочтение при разрешении конфликта отдается именно силовому методу воздействия, искоренению разрушения через разрушение. Успех в сражении, сила и мощь героя действуют в противовес несостоятельной мирной деятельности Эннеады, а также миссии Астарты по усмирению своевольного Правителя, склоняя, таким образом, как инициатора создания текста, так и его целевую аудиторию на сторону героя, бога Сета. Инициатором составления текста и, очевидно, одним из главных его интерпретаторов выступает сам царь, поскольку лишь в связи с ним обретает смысл тема и идея произведения в целом. Так, суть конфликта и его особенности в египетском повествовании «О противостоянии Морю», должно быть, скрывали под собой определенную цель, стоявшую перед создателями и главным инициатором текста.

Основная цель в ходе составления произведения, вероятно, заключалась в необходимости обусловить первостепенное значение военной деятельности царя, объяснить возвышение роли правителя в качестве военного предводителя в контексте ведения более активной внешней завоевательной политики на территории соседнего сиро-палестинского региона, как раз в период правления Тутмоса III. Аменхотеп II, будучи преемником своего отца, вероятно, рассчитывал провести не меньше успешных кампаний в Леванте. Поэтому, вероятно, уже после первого победоносного похода третьего года правления предполагалось составить небывалое по размерам и идейному замыслу произведение, имеющее целью обосновать амбициозные устремления

молодого правителя, которые он как наследник своего выдающегося отца рассчитывал воплотить в жизнь. Так, появилось повествование «О противостоянии Морю», создание которого, так или иначе, имеет отношение к пятому году правления Аменхотепа II. Последовавшие вслед за этим два сирийских похода седьмого и девятого года можно рассматривать как продолжение намеченного курса на ведение активной внешней политики на северо-восточном азиатском направлении. Однако в дальнейшем все устремления в данном русле, по-видимому, не получают должного развития, поскольку после похода на девятом году правления отсутствуют какие-либо сведения о проведении кампаний на территории Ханаана.

Таким образом, предполагаемая цель создания повествования «О противостоянии Морю» зависит от контекста определенной исторической эпохи, которую можно обозначить как начало – первая половина правления Аменхотепа II. В свою очередь, концепция произведения, обусловленная целью его создания, выражена за счет трансляции в текст необходимого идейного замысла, представленного через образы религиозной, культовой сферы. Так, перед интерпретатором повествования предстает вовсе не абстрактный мифологический сюжет или художественный текст, а выстроенная идеологема, отвечающая запросам определенной культуры в определенную историческую эпоху.

Едва ли возможно, чтобы подобного рода текст: по сути – серьезный идеологический трактат, являющийся мифологическим сюжетом лишь по форме, был рассчитан на восприятие массовой аудитории и получил широкое распространение в народе, подобно таким литературным произведениям, как Синухет, от которого сохранилось большое количество списков. Скорее всего, интерпретировать обширный и сложный для понимания текст было по силам лишь немногим представителям царской элиты, а также просвещенным писцам «Дома Жизни», которым, возможно, и было поручено составление повествования. Именно для писцов «Дома Жизни» как лиц, особо сведущих в вопросах идеологии, данный текст мог быть наполнен смыслом и иметь,

вероятно, большое значение в силу отраженной в нем концепции. Действительно, идея противостояния внешнему миру под властью хаоса, воплощенного в чуждом для египетской культуры образе Правителя-Моря, является уникальной и служит примером умелого включения иноземного материала в идеологию и мироописательную систему Египта.

Заключение

Подводя итоги исследования египетского повествования «О противостоянии Морю», хотелось бы подчеркнуть особое место этого источника как в корпусе египетской литературы, так и в ближневосточной письменной традиции в целом. Несмотря на то, что далеко неполная сохранность фрагментов рBN 202 и рAmherst 9, к сожалению, не позволяет учесть особенности композиции и структуры повествования в полной мере, интерпретация текста оказывается возможной и необходимой для понимания темы, идейного смысла и значения этого уникального произведения.

Отправной точкой исследования стал вопрос относительно датировки текста по двум аспектам: предположительное время составления повествования и время фиксации произведения на сохранившихся фрагментах рукописи. По второму аспекту не было сделано окончательного вывода, однако на основании определенного дукта некоторых знаков, а также морфологических и морфосинтаксических особенностей можно предположить, что рукопись является более поздним списком, возможно, второй половины XVIII дин. или начала XIX дин. Вместе с тем время составления повествования, вероятно, недалеко отстает от установленного *terminus post quem* – периода соправления Тутмоса III и Аменхотепа II, поскольку сама необходимость создания произведения была обусловлена историко-культурным контекстом эпохи вслед за грандиозными военными достижениями Тутмоса III, безусловно, открывавшими новые горизонты для его преемника. Военная тематика и прославление воина-героя, вероятно, главного победителя Моря – бога Сета в

прологе (рВN 202) соответствуют распространенному на памятниках Аменхотепа II образу, обозначившему общую тенденцию к возвышению роли царя как военного лидера, обладающего небывалыми силовыми качествами и порой подчеркнуто воинственным нравом. Богиня Астарта, упомянутая в одном из наиболее сохранившихся фрагментов, также связана с Аменхотепом II, впервые появляясь на памятниках этого правителя и имея прямое отношение к военным атрибутам царя – лошадям, а также колесницам (как известно по памятникам последующих царей). Вместе с тем культ Баала, по-видимому, еще не находит должного распространения и не соотносится в полной мере ни с Сетом, ни с фигурой царя, так что образ этого семитского бога в ханаанской традиции мог лишь отчасти отразиться на роли Сета как победителя морской стихии в египетском повествовании.

В целом, говоря о теме противостояния Морю, нельзя не учитывать ряд других ближневосточных текстов схожих по своей тематике. Весьма примечательно, что время составления египетского повествования оказывается почти синхронным двум другим версиям: хетто-хурритской («Песнь об Улликумми» и «Песнь о Драконе Хедамму») и чуть более поздней угаритской (текст о борьбе Баала с Йамму). Вместе с тем с точки зрения сюжетной линии и идейного замысла, все три варианта изложения имеют свои характерные особенности. Египетский текст все же находит определенное соответствие с более ранней версией, хурритской по происхождению, фрагменты которой известны под общим названием «Песнь о Море», на основании чего было сделано предположение о возможной близости египетского источника к архетипу – исходному варианту сюжета, по-видимому, зародившемуся на территории Ханаана и впоследствии воспринятому разными культурами Ближнего Востока.

Египетское повествование «О противостоянии Морю», таким образом, входит в довольно обширный корпус ближневосточных текстов, отразивших мотив борьбы с персонификацией морской стихии, и в то же время отличается своей самобытностью. Образы основных действующих лиц: Эннеады, Моря и

его сокрушителя Сета, по сути, воплощают в себе идею противоборства сторонним внешним силам, где априори царит хаос. И лишь египетский миропорядок за счет противодействующей силы (в противовес созидательной деятельности) способен подавить это враждебное начало.

Подобную идеологию, представленную на уровне божественного мира, едва ли можно трактовать как простой мифологический сюжет, доступный для широкой аудитории. Цель создания произведения, относительно которой, вероятно, впервые делаются предположения в соответствующем разделе, должно быть, напрямую зависела от исторических реалий, политической обстановки и культурной среды начала – первой половины правления Аменхотепа II. Так, интерпретация повествования «О противостоянии Морю» оказывается актуальной и неразрывно связанной с контекстом конкретной исторической эпохи, изучение которой по доступным на данный момент источникам, может способствовать раскрытию смысла и значения этого удивительного произведения.

Список сокращений

в. – век.

вв. – века.

ВДИ – Вестник древней истории.

гг. – года.

дин. – династия.

до н. э. – до нашей эры.

досл. – дословно.

комм. – комментарий (указание на ссылку в соответствующем разделе).

прим. – примерно.

см. – смотреть.

Abb. – Abbildung.

ASAE – Annales du Service des Antiquités de l' Égypte.

BIFAO – Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale.

BnF – Bibliothèque nationale de France.

CTH – Catalogue des textes hittites, (Kořak, Müller).

fig. – figure.

ibid. – ibidem.

inf. – infirmæ.

JANER – Journal of Ancient Near Eastern Religions.

JARCE – Journal of the American Research Center in Egypt.

JEA – The Journal of Egyptian Archaeology.

KUB – Keilschrifturkunden aus Boghazköi.

LGG – Lexikon der Ägyptischen Götter und Götterbezeichnungen.

p – Papyrus.

pBerlin P 3033 – Papyrus Berlin, Papyrussammlung 3033.

pBM EA 10060 – Papyrus British Museum, Egyptian Antiquities 10060.

pBM EA 10244 – Papyrus British Museum, Egyptian Antiquities 10244.

pBM EA 10684 – Papyrus British Museum, Egyptian Antiquities 10684.

pBN 202 – Papyrus Bibliothèque nationale 202.

pers. – persona.

pl. – plate.

Rto – recto.

sg. – singularis.

Urk. – Urkunden der 18. Dynastie, (Helck, 1955).

Vso – verso.

WB – Wörterbuch der ägyptischen Sprache, (Erman, 1955).

ZDPV – Zeitschrift des Deutschen Palästina-Vereins.

ZÄS – Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde.

Список литературы

1. **Большаков, Сущевский, 1991** – Большаков, А. О.; Сущевский А. Г. Герой и общество в древнем Египте / А. О. Большаков, А. Г. Сущевский // ВДИ. – 1991. – № 3. – С. 3-27.
2. **Дьяконов, 1988** – Дьяконов, И. М. История Древнего Востока. Зарождение древних классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации: в 2 кн. Часть вторая. Передняя Азия. Египет / И. М. Дьяконов [и др.]; под ред. Г. М. Бонгард-Левина. – М.: Наука, 1988. – 623 с.
3. **Крамер, 2005** – Мифологии древнего мира: Сборник очерков / под ред. В. А. Якобсона [и др.]. – СПб: Азбука-классика, 2005. – 544 с.
4. **Тантлевский, 2005** – Тانتлевский, И. Р. История Израиля и Иудеи до разрушения Первого Храма / И. Р. Тانتлевский. – СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2005. – 402 с.
5. **Томашевич, 1999** – Томашевич, О. В. Астарта в Египте / О. В. Томашевич // Мероэ. – 1999. – № 5. – С. 254-269.
6. **Шифман, 1987** – Шифман, И. Ш. Культура Древнего Угарита / Главная редакция восточной литературы. – М.: Наука, 1987. – 236 с.
7. **Шифман, 1999** – Шифман, И. Ш. О Ба'алу. Угаритские поэтические повествования / И. Ш. Шифман // Памятники письменности Востока. – М.: Восточная литература РАН, 1999. – CV, 2. – 536 с.
8. **Ayali-Darshan, 2015** – Ayali-Darshan, N. The Other Version of the Story of the Storm-god's Combat with the Sea in the Light of Egyptian, Ugaritic, and Hurro-Hittite Texts / N. Ayali-Darshan // JANER. – 2015. – Vol. 15. – P. 20-51.
9. **Bekerath, 1999** – von Bekerath, J. Handbuch der Ägyptischen Königsnamen / J. von Bekerath // Müncher Ägyptologische Studien. – Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 1999. – Bd. 49. – 314 s.
10. **Bietak, Foster-Müller, 2011** – Bietak, M.; Foster-Müller, I. The Topography of New Kingdom Avaris and Per-Ramesses / M. Bietak, I. Foster-Müller // Ramesside

- Studies in Honour of K. A. Kitchen / M. Collier, S. Snape. – Bolton, 2011. – P. 23-51.
- 11.**Birch, 1871** – Birch, S. Varia / S. Birch // ZÄS. – 1871. – Bd. 9. – P. 118-120.
- 12.**Borghouts, 1979** – Borghouts, J. F. A New Approach to the Late Egyptian Conjective / J. F. Borghouts // ZÄS. – 1979. – Bd. 106. – P. 14-24.
- 13.**Bryan Betsy M., 2003** – Bryan, Betsy M. The 18th Dynasty before the Amarna Period (c. 1550 – 1353) / Betsy M. Bryan // The Oxford History of Ancient Egypt / I. Shaw. – Oxford, 2003. – P. 207-264.
- 14.**Caminos, 1963** – Caminos, R. A. Papyrus Berlin 10463 / R. A. Caminos // JEA. – 1963. – Vol. 49. – P. 29-37.
- 15.**Chabas, 1869** – Chabas, F. Sur quelques données des Papyrus Rollin / F. Chabas // ZÄS. – 1869. – Bd. 7. – P. 85-92.
- 16.**Chevrier, 1928** – Chevrier, M. H. Rapport sur les travaux de Karnak (1927 – 1928) (avec 5 planches) / M. H. Chevrier // ASAE. – 1928. – Tome 28. – P. 114-128.
- 17.**Collombert, Coulon, 2000** – Collombert, Ph.; Coulon L. Les dieux contre la mer. Le début du "papyrus d'Astarté" (pBN 202) / Ph. Collombert; L. Coulon // BIFAO. – 2000. – Vol. 100. – P. 193-242.
- 18.**Depuydt, 1991** – Depuydt, L. Late Egyptian 'Inn, 'if', and the conditional clause in Egyptian / L. Depuydt // JEA. – 1991. – Vol. 77. – P. 69-78.
- 19.**Dezsö, 2004** – Dezsö, T. Panzer / T. Dezsö // Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie: 11Bd. / D. O. Edzard, M. P. Streck. – Berlin, 2003-2005. – Bd. 10. – S. 319-323.
- 20.**Edel, 1953** – Edel, E. Die Stelen Amenophis' II. aus Karnak und Memphis mit dem Bericht über die asiatischen Feldzüge des Königs / E. Edel // ZDPV. – 1953. – Bd. 69. – Heft 2. – S. 97-176.
- 21.**Erman, 1955** – Erman, A. Wörterbuch der ägyptischen Sprache: 5 Bd. / A. Erman, H. Grapow. – Berlin: Akademie Verlag, 1955. – Bd. I. – 583 s.; Bd. II. – 506 s.; Bd. III. – 489 s.; Bd. IV. – 569 s.; Bd. V. – 639 s.
- 22.**Faulkner, 1991** – Faulkner, R. O. A Concise Dictionary of Middle Egyptian / R. O. Faulkner. – Oxford: Griffith Institute, 1991. – 327 p.

- 23.**Gardiner, 1928** – Gardiner, A. H. An Egyptian Split Infinitive and the Origin of the Coptic Conjunctive Tense / A. H. Gardiner // JEA. – 1928. – Vol. 14. – P. 86-96.
- 24.**Gardiner, 1932** – Gardiner, A. H. Late-Egyptian Stories / A. H. Gardiner // Bibliotheca Aegyptiaca. – Bruxelles: Édition de la Fondation Égyptologique Reine Élisabeth, 1931. – Vol. I. – 101 p.
- 25.**Gardiner, 1932a** – Gardiner, A. H. The Astarte Papyrus / A. H. Gardiner // Studies Presented to Francis Llewellyn Griffith / S. R. K. Glanville, N. M. Griffith. – London, 1932. – P. 74-85.
- 26.**Güterbock, 1951** – Güterbock, H. G. The Song of Ullikummi. Revised Text of the Hittite Version of a Hurrian Myth / H. G. Güterbock // The Journal of Cuneiform Studies. – 1951. – Vol. 5. – No. 4. – P. 135-161.
- 27.**Güterbock, 1952** – Güterbock, H. G. The Song of Ullikummi. Revised Text of the Hittite Version of a Hurrian Myth (Continued) / H. G. Güterbock // The Journal of Cuneiform Studies. – 1952. – Vol. 6. – No. 1. – P. 8-42.
- 28.**Helck, 1955** – Helck, W. Urkunden der 18. Dynastie. Historische Inschriften Thutmosis' III und Amenophis' II / W. Helck. – Berlin: Akademie Verlag, 1955. – Heft 17. – S. 1227-1539.
- 29.**Hoch, 1994** – Hoch, J. E. Semitic Words in Egyptian Texts of the New Kingdom and Third Intermediate Period / J. E. Hoch. – Princeton: Princeton University Press, 1994. – 572 p.
- 30.**Hornung, 1999** – Hornung, E. The Ancient Egyptian Books of the Afterlife / E. Hornung; transl. from the German by D. Lorton. – Ithaca: Cornell University Press, 1999. – 188 p.
- 31.**Junge, 2005** – Junge, F. Late Egyptian Grammar. An Introduction / F. Junge; transl. from the German by D. Warburton. – 2nd English ed. – Oxford: Griffith Institute, 2005. – 391 p.
- 32.**Klug, 2002** – Klug, A. Königliche Stelen in der Zeit von Ahmose bis Amenophis III / A. Klug. – Turnhout: Brepols Publishers, 2002. – 545 s.
- 33.**Leake, 1952** – Leake, Ch. D. The Old Egyptian Medical Papyri / Ch. D. Leake. – Lawrence: University of Kansas Press, 1952. – 108 p.

- 34.**Lesko, 2002; Lesko, 2004** – Lesko L. H. A Dictionary of Late Egyptian: 2 vol. / L. H. Lesko, B. S. Lesko – 2nd ed. – Providence: B. C. Scribe Publications. – 2002. – Vol. I. – 390 p.; 2004. – Vol. II. – 404 p.
- 35.**Lexikon der Ägyptischen Götter und Götterbezeichnungen**: 7 Bd. / Chr. Leitz. – Leuven; Paris; Dudley, MA: Uitgeverij Peeters en Department Oosterse Studies, 2002. – Bd. IV. – 816 s.
- 36.**Lorenz, Schrakamp, 2011** – Lorenz, J.; Schrakamp, I. Hittite Military and Warfare / J. Lorenz, I. Schrakamp, 2011 // Insights into Hittite History and Archeology / H. Genz, D. P. Mielke. – Colloquia Antiqua 2. – 2011 – Chapter 6. – P. 125-152.
- 37.**Möller, 1920** – Möller, G. Zur Datierung literarischer Handschriften aus der ersten Hälfte des Neuen Reichs / G. Möller // ZÄS. – 1920. – Bd. 56. – S. 34-43.
- 38.**Möller, 1965** – Möller, G. Hieratische Paläographie. Die aegyptische Buchschrift in ihrer Entwicklung von der fünften Dynastie bis zum römischen Kaiserzeit: 4 Bd. / G. Möller. – Osnabrück: Otto Zeller, 1965. – Bd. II: Von der Zeit Thutmosis III bis zum Ende der einundzwanzigsten Dynastie. – 74 s.
- 39.**Newberry, 1899** – Newberry, P. E. The Amherst Papyri, being an account of the Egyptian papyri in the collection of the Right Hon. Lord Amherst of Hackney, F.S.A., at Didlington Hall, Norfolk / P. E. Newberry. – London: Bernard Quaritch, 1899. – 61 p.
- 40.**Pehal, 2008** – Pehal, M. Interpreting Ancient Egyptian Mythology. A Structural Analysis of the Tale of the Two Brothers and the Astarte Papyrus / M. Pehal. – Praha, 2008. – 129 p.
- 41.**Rainey, 1973** – Rainey, A. F. Amenhotep II's Campaign to Takhsi / A. F. Rainey // JARCE. – 1973. – Vol. 10. – P. 71-75.
- 42.**Redford, 1965** – Redford, D. B. The Coregency of Tuthmosis III and Amenophis II / D. B. Redford // JEA. – 1965. – Vol. 51. – P. 107-122.
- 43.**Reisner, 1905** – Reisner, G. A. The Hearst Medical Papyrus. Hieratic Text in 17 Fascimile Plates in Collotype with Introduction and Vocabulary / G. A. Reisner. – Leipzig: J. C. Hinrichs, 1905. – 48 p.

- 44.**Sauneron, 1952** – Sauneron, S. La forme égyptienne du nom Teshub / S. Sauneron // BIFAO. – 1952. – Vol. 51. – P. 57-59.
- 45.**Sayce, 1933** – Sayce, A. H. The Astarte Papyrus and the Legend of the Sea / A. H. Sayce // JEA. – 1933. – Vol. 19. – P. 56-59.
- 46.**Schneider, 2003** – Schneider, Th. Texte über den syrischen Wettergott aus Ägypten / Th. Schneider // Ugarit Forschungen. – 2003. – Bd. 33. – S. 605-627.
- 47.**Schneider, 2003a** – Schneider, Th. Foreign Egypt: Egyptology and the Concept of Cultural Appropriation / Th. Schneider // Ägypten & Levante. – 2003. – Bd. 13. – P. 155-161.
- 48.**Spalinger, 2007** – Spalinger, A. Transformations in Egyptian Folktales: the Royal Influence / A. Spalinger // Revue d'Égyptologie. – 2007. – Vol. 58. – P. 137-156.
- 49.**Stadelmann, 1975** – Stadelmann, R. Astartepapyrus / R. Stadelmann // Lexikon der Ägyptologie: 6 Bd. / W. Helck, E. Otto – Wiesbaden: Otto Harrassowitz. – 1975. – Bd. I. – S. 509-511.
- 50.**Stauder, 2013** – Stauder, A. Linguistic Dating of Middle Egyptian Literary Texts / A. Stauder // Lingua Aegyptia – Studia Monographica. Bd. 12 / G. Moers. – Hamburg: Widmaier Verlag, 2013. – 568 p.
- 51.**te Velde, 1967** – te Velde, H. Seth, God of Confusion: A Study of His Role in Egyptian Mythology and Religion / H. te Velde; English translation by G. E. van Baaren-Pape // Problem der Ägyptologie. Bd. 6 / W. Helck. – Leiden: E. J. Brill, 1967. – 168 p.
- 52.**van Dijk, 1995** – van Dijk, J. Myth and Mythmaking in Ancient Egypt / J. van Dijk // Civilisations of the Ancient Near East / J. M. Sasson. – New York: Scribner, 1995. – Vol. 3. – P. 1697-1709.
- 53.**Ventzke, 1983** – **Ventzke, W.** Zur Rekonstruktion eines bronzenen Schuppenpanzers / W. Ventzke // Frühe Phöniker im Libanon: 20 Jahre deutsche Ausgrabungen in Kāmid el-Lōz / R. Hachmann. – Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, 1983. – S. 94-100.

54. **Volk, 1995** – Volk, K. Inanna und Šukaletuda. Zur historisch-politischen Deutung eines sumerischen Literaturwerkes / K. Volk. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1995. – 227 s.
55. **Walton, 2006** – Walton J. H. Ancient Near Eastern Thought and the Old Testament: Introducing the Conceptual World of the Hebrew Bible / J. H. Walton. – Grand Rapids: Baker Academic, 2006. – 368 p.
56. **Wreszinski, 1909** – Wreszinski, W. Der grosse medizinische Papyrus des Berliner Museums (Pap. Berl. 3038) in Facsimile und Umschrift mit Übersetzung, Kommentar und Glossar / W. Wreszinski. – Leipzig: J. C. Hinrichs, 1909. – 142 s.
57. **Wreszinski, 1912** – Wreszinski, W. Der Londoner medizinische Papyrus (BM 10059) und der Papyrus Hearst in Transkription, Übersetzung und Kommentar / W. Wreszinski. – Leipzig: J. C. Hinrichs, 1912. – 237 s.
58. **BnF archives et manuscrits** – Le catalogue des manuscrits et des fonds de la Bibliothèque nationale de France: Egyptien 202. Début du Conte d'Astarté. [Электронный ресурс]. – URL: <http://archivesetmanuscrits.bnf.fr/ead.html?id=FRBNFEAD000071703> Проверено: 05. 05. 2016.
59. **CORSAIR** – The Online Catalog of the Pierpont Morgan Library. [Электронный ресурс]. – URL: <http://corsair.themorgan.org> Проверено: 05. 05. 2016.
60. **Košak, Müller** – Košak, S.; Müller G. G. W. Catalog der Texte der Hethiter. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.hethport.uni-wuerzburg.de/CTH/> Проверено: 05. 05. 2016.
61. **Zivie-Coche, 2011** – Zivie-Coche, Ch. Foreign Deities in Egypt / Ch. Zivie-Coche // UCLA Encyclopedia of Egyptology / W. Wendrich, J. Dieleman, E. Frood, J. Baines. – 2011. [Электронный документ]. – URL: <https://escholarship.org/uc/item/7tr1814c> Проверено: 05. 05. 2016.

Приложение
Разбор текста²³

Транслитерация	Перевод
<p><u>pBN 202</u></p> <p>(1, 1) <i>rnp.t-sp dj.w 3bd hmt.w prj.t (sw)</i> '19'[•]</p> <p>ḥnh n.j-sw.t bj.t.j [...] ḥ.w.s.[•]</p> <p>s3-Rḥ(.w) Imn-ḥtp(.w) ntr-ḥk3-Iwn.w ḥ.w.s.[•]</p> <p>dj(.w) ḥnh d.t r nhḥ[•]</p> <p>ḥḥj.w [...] (1, 2) mj it=j Rḥ(.w) rḥ nb[•]</p> <p>sm3[wj=j] [...] []s irj(.w)=f n t3 psd.t[•] r ḥ3 ḥnḥ p3 I-m</p> <p>[...] (1, 3) p3j=k nhḥt.w[•]</p> <p>sk3j [...] []w m sdd[•] n3 irj(.w).n=k iw=k m šrə[•]</p> <p>n3j=k t-l [...] (1, 4) [s]b3.w hr-ḥ3.t=j[•]</p> <p>irj.tw=f r n[] [...]</p> <p>[...] Š3j Rnnw.t tnw[•]</p>	<p>Год правления – 5, месяц – 3 сезона «всходы», день – 19.</p> <p>Да живет царь Верхнего и Нижнего Египта [...]¹, ж. з. н.,</p> <p>сын Ра Аменхотеп, бог и правитель Гелиополя, ж. з. н.,</p> <p>одаренный жизнью вечно вековечно.</p> <p>Появление [...], подобно отцу моему Ра каждый день.</p> <p>Восстановил² [я] [...], сделанн(ое) им для Эннеады, чтобы сразиться с Морем.</p> <p>[...] твоя военная добыча / твои победы³.</p> <p>Возвеличил / превознес (я?) [...], повествуя о том, что ты сделал, будучи ребенком.</p> <p>Твои подвиги [...], поучающие до меня.</p> <p>Сделали его, чтобы [...].</p> <p>Где [...] Шаи с Ренненет?</p>

²³ Индексы в переводе, выделенные жирным шрифтом, являются ссылками на соответствующий раздел в комментарии.

<i>š3.n=s Š3j ḥn^c Rnnw.t [...] (1, 5) hr p3 kd.tw=f im(.w)</i>	Назначила она Шаи вместе с Ренненет ⁴ [...] рядом с тем, что построено там ⁵ .
<i>sš [...]</i>	Прошел [...]
<i>n3j=f ḥbs.w m t-r-j-n.w hr pd.w.t</i>	Его одежды – (боевая) броня ⁶ и луки.
<i>irj.tw [...] [n3] (1, 6) dw.w ḥn^c n3 dhn.w.t</i>	Сделали [...] горы и скалы.
<i>[...]</i>	[...]
<i>iw=tw hr š3 n=f k3j mj t3 p.t</i>	Предопределили ему высоту, подобно небу.
<i>ir-dr kd.w mn(.w) [...] (1, 7) r-k-r-k</i>	Как только построены памятники, [...] вражда ⁷ (?).
<i>irj.tw t3 [...] [?h3b(.w)?] r dgdg n3j=k hrw.j.w r-nt.j [...] (1, 8) mj dgdg g3š.w</i>	Сделана [...] отправил(?), чтобы топтать твоих врагов: [...], подобно топтанию тростника.
<i>[...] [t3 p.t] ḥn^c p3 t3 r shd n t3 psd.t- ntr.w</i>	[...] земля и небо, чтобы осветить для Девятки богов.
<i>kd [...] (1, 9) d[3d]3=f iw p3j=f db [...]</i>	Постро(ил) [...] его голова / вершина, причем его рог (?) [...]
<i>[...] n3j=f ḥft.j.w ḥn^c n3j=f hrw.j.w</i>	[...] его противники и его враги.
<i>ir [hr][_] [...] (1, 10) [...] gmj.n=tw p3 dn[_] [...]</i>	Что до [...], нашли [...].
<i>[...] hr sk3j [...]</i>	[...] возвеличи(л)
<i>[...] (1, 11) [...] [p3] [...]</i>	[...]
<i>[...] wn=[s] d[_]</i>	[...]
<i>[dw3=j] [...]</i>	[Я прославляю] [...]
<i>[...]</i>	[...]

<p><u>pAmherst 9</u></p> <p>(1, x+1) [...] p3j=f iḥ snw[•]</p> <p>dw3=j tḡ [...]•</p> <p>dw3=j [...]•</p> <p>(1, x+2) [dw]3=j t3 p.t [...] =ś is.t [...] [p]3 iwtḡ [...]•</p> <p>(1, x+3) [...] [t]3 p.t[•]</p> <p>ḥr ir [...]• [p3] iwtḡ[•]</p> <p>iw p3 iwtḡ ḥr ḥtp [...] (1, x+4) [kf]j.w=j t3j=f [...]•</p> <p>[wn].jn=sn ḥr wḥf mj š3k3[•] [...]•</p> <p>(1, x+5) ḥḥ.n ḥpt s [nb p3j=f sn.nw] [...]•</p> <p>[ḥr ir] ḥr-s3 [...] ḥrw[•] iw t3 p.t ḥr [...] (1, x+6) ḥr ḥ3j.t ḥr [...] p3 ḥ-m[•]</p> <p>iw [...] [iw p3 iw]tn (1, x+7) ḥr msə [...] p3 fdw (n) idb.w n p3 [...] (1, x+8) m-ḥr.j-ib=f[•] mj ḥ[w] [...]•</p> <p>[...] [t3j]=f isp.t n ḥk3 ḥ.w.s.[•]</p> <p>iw=f ḥr [...] (1, x+9) f3j n=f in.w[•] [...] m knb.t[•]</p> <p>ḥḥ.n f3j Rnnw.t [...] (1, x+10) m ḥk3 ḥ.w.s. [ḥr p3 t3 m ḥk3 ḥ.w.s. m t3] p.t[•]</p>	<p>[...] его два быка⁸.</p> <p>Я прославляю тебя⁹ [...].</p> <p>Я прославляю [...].</p> <p>Я прославляю небеса [...], место [...], почву [...].</p> <p>[...] небо.</p> <p>Когда же [...] почва,</p> <p>(причем) почва была умиротворена [...] меня раскрыла/отдалила его¹⁰ [...]</p> <p>(И) они склонились¹¹, словно š3k3¹² [...]</p> <p>(И) [каждый] человек [обнимает своего товарища]¹³ [...]</p> <p>Тогда после [...] дней небо [...] (и) [...] спустилось на [...] Море;</p> <p>[...] почва породила [...] четыре берега [...] посреди него, подобно водам¹⁴ [...]</p> <p>[...] его трон¹⁵ правителя, ж. з. н.</p> <p>(причем) он [...]; несут для него дань [...] из совета.</p> <p>(И тогда) Ренненет¹⁶ доставила [...] в качестве правителя, ж. з. н. [на земле и на] небе¹⁷.</p>
---	---

<i>hr m=k tw=tw hr inə n=f in.w [...]</i>	Но вот, приносят ему дань [...];
<i>[...]</i>	<i>[...]</i>
<i>(1, x+11) [...] r(3)-pw iw=f r itə n m h3[k.w]•</i>	<i>[...]</i> иначе он схватит нас в качестве пленников.
<i>[...]</i>	<i>[...]</i>
<i>[...] (1, x+12) =n im=j r [...]</i>	<i>[...]</i> наш во мне, чтобы [...]
<i>[...] [ʰhʰ.n f3j] [Rn]nw.t p3j=f in.w m hđ nbw• hsbđ [...] [m] n3 pds•</i>	(И тогда) Ренненет доставила его дань в качестве серебра, золота, лазурита [...]
<i>ʰhʰ.n đđ.n=sn n (1, x+13) [t3] psđ.t•</i>	И тогда они сказали Эннеаде:
<i>i[mj] [...] [...]t p3 in.w n p3 I-m• sđm=f n=n md.w.t [nb n p3 iwtñ]•</i>	«Дай ¹⁸ [...]дань Морю, (и) оно внемлет для нас речам [всем земным] ¹⁹ ,
<i>hw m đr.t=f•</i>	(ведь) защита – в его руке.
<i>in-jw iw=f [...]</i>	Разве оно [...]?
<i>[...]</i>	<i>[...]</i>
<i>(2, x+1) ist st snd(.w) n [...]</i>	<i>[...]</i> боятся они [...]
<i>[...] [in.w] (2, x+2) n p3 I-m•</i>	[дань] для Моря.
<i>imj [...] [p]3 in.w n p3 I-[m] [...] (2, x+3)</i>	Дай [...] дань Морю [...]
<i>[...] bjn•</i>	<i>[...]</i> плохо.
<i>iw Rnnw.t hr itə wʰ [...] [...] ʰs-t(j)-r(3)-t(j).t•</i>	И Ренненет взяла [...] Астарта.
<i>ʰhʰ.n đđ.n [p3 3pd] [...]</i>	Тогда сказал(а) [птица?] ²⁰ : [...]
<i>[...] (2, x+4) 3pd.w</i>	<i>[...]</i> птицы.
<i>sđm đđ.t=j•</i>	«Слушай то, что я сказала.
<i>imj=k rwj=[k] [...] kj•</i>	Ты не должна (птица) уходить [...] другой.
<i>iħ šm=k n ʰs-t(j)-r(3)-t(j).[.t] [...] [...]</i>	Ну-ка ступай к Астарте [...]
<i>(2, x+5) p3j=s pr•</i>	<i>[...]</i> ее дом.

<p><i>hn^c ntk hr hr [...] [...] skdd[•]</i></p> <p><i>hn^c ntk dd n=s[•]</i></p> <p><i>ir wn [tw=t m rs sd^m=t p3j=j hrw]</i></p> <p><i>(2, x+6) ir wn tw=t m kd[•] irj=j nh[s]j [tj]</i></p> <p><i>[šm t3 psd.t r f3a in.w n p3] I-m m h3 hr</i> <i>p[3] [t3 m h3 ʕ.w.s. m] (2, x+7) t3 p.t[•]</i></p> <p><i>ih jw=t hr=sn m t3 [...]</i></p> <p><i>[...] (2, x+8) [...] [ʕ3m].w[•] iw ʕ-s-t(j)-r(3)-</i> <i>t(j).t [...]</i></p> <p><i>[...] (2, x+10) t3 šrj.t Pth[•] is[t] [...]</i></p> <p><i>[...] (2, x+11) [...in.w] n p3 I-m[•] p[3] [...]</i></p> <p><i>(2, x+12) [...] šm=t ds=t[•] hr p3 in.w n</i> <i>[p3 I-m] [...]</i></p> <p><i>(2, x+13) [...] wn.jn ʕ-s-t(j)-r(3)-t(j).t hr</i> <i>rmə [...]</i></p> <p><i>(2, x+14) [...] p3j=f h3 ʕ.w.s. gr(w)[•]</i> <i>[...]</i></p> <p><i>(2, x+15) [...] [f3]j hr=k [...]</i></p> <p><i>(2, x+16) [...] [f3]j hr=k[•] hn^c ntk [...]</i></p> <p><i>[...] (2, x+17) [r-b]-l[•]</i></p> <p><i>f3j p[w] [irj.n=s] [...] p[3] [...]</i></p> <p><i>[...] [=s] [h]r [...]</i></p> <p><i>[iw=s hr] hsa hr sbt im=f []t[] [...]</i></p> <p><i>[iw=f hr] (2, x+18) pt(r)a ʕ-s-t(j)-r(3)-t(j).t</i> <i>[i]w=s hmś.tj hr smj.t p3 j-m</i></p>	<p>Скажи²¹ под [...] [...] (она) спит; скажи ей:</p> <p>«Если ты [не спишь²¹ – услышь мой голос], если (же) ты спишь²¹ – я разбужу тебя.</p> <p>[Отправилась Эннеада (?), чтобы доставить дань]²² Морю в качестве правителя, [ж.з.н.]на [земле и на] небе.</p> <p>Приди к ним (?) в [...]».</p> <p>[...] азиаты. (И) Астарта [...]</p> <p>[...] дочь Птаха. А [...]</p> <p>[... дань] Морю. [...]</p> <p>«Отправляйся сама с данью [для Моря]. [...]».</p> <p>(И) Астарта плакала [...]</p> <p>[...] его правитель, ж. з. н., молчал. [...]</p> <p>Подними свое лицо [...]</p> <p>Подними свое лицо и [...]</p> <p>[...] наружу.</p> <p>Она несла [...]</p> <p>[...] ее при [...],</p> <p>(причем) [она] пела, насмехаясь над ним [...],</p> <p>(и) [оно (Море)] увидело Астарту, (когда) она сидела на берегу моря.</p>
--	--

<p>ḥ^c.n [dd].n=f n=s</p> <p>ij=[t] [tnw] t3 šrj.t Pth[•] t3 ntr.t [k]n[d].t nšn.j.w[•]</p> <p>(2, x+19) in-jw [ngj] [n3j] t(j)w.t nt.j <hr> rd.wj=<t>[•]</p> <p>in-jw sd n3j=t hbs.w nt.j hr=t[•] m p3 šm ij.t irj.n=(t) m t3 p.t hn^c p3 t3[•]</p> <p>ḥ^c.n dd n=f [ḥ-s-t(j)-r(3)-t(j).t]</p> <p>[...]</p> <p>(3, y-2) [...t3] psd.t[•]</p> <p>ir dj=sn n=j t3j=k [šrj.t] [...] =sn[•]</p> <p>iw=j r irj.t ih (3, y-1) r=sn ink</p> <p>iw ḥ-s-t(j)-r(3)-t(j).t hr sdm p[3] i.[dd] n=s p3 I-m</p> <p>iw=s hr f3a=s r šm[•] r-hr t3 psd.t r [p3] nt.j st im(.w) nwj.w[•]</p> <p>iw n3 3.j(.w) (3, y) hr pt(r)a st[•]</p> <p>iw=sn hr ḥ^c r-h3.t=s[•]</p> <p>iw n3 šrj(.w) hr pt(r)a st[•]</p> <p>iw=sn hr sdr hr h.t=sn[•]</p> <p>iw=tw hr rdj.t n=s t3j=s isb.t[•]</p> <p>iw=s hr hms[•]</p> <p>iw=tw hr ms n=s p3 [in.w n p3 I-m]</p> <p>[...]</p>	<p>Сказало оно ей:</p> <p>«Откуда ты пришла, дочь Птаха, грозная богиня тех, кто свиреп?</p> <p>Разве износились эти сандалии, что (под) (твоими) ногами?</p> <p>Разве порвалась твоя одежда, которая на тебе, вследствие твоего отправления и возвращения²⁴ с Небес, а также из Подземного мира²⁵?»</p> <p>Тогда сказала ему (Астарт): [...]</p> <p>[...]</p> <p>«[...] Эннеада.</p> <p>Если они дадут мне твою [дочь], [...] их.</p> <p>Что я сам сделаю против них?»</p> <p>И Астарт услышала то, что сказало ей Море.</p> <p>И она отправилась, чтобы прибыть раньше Эннеады туда, где они собрались.</p> <p>Великие увидели ее</p> <p>и встали перед ней.</p> <p>Меньшие увидели ее</p> <p>и легли (ниц) на животы свои.</p> <p>Дали ей трон ее,</p> <p>и она села.</p> <p>И принесли ей дань для Моря.</p> <p>[...]</p>
---	---

(4, y-2) [...] t3 [...]	[...] земля [...]
(4, y-1) [...] n3 b[hbhj.w] [...]	[...] бусины [...]
[...] iw [n3] bhbj.w [...]	[...] бусины [...]
[^c h ^c .n] (4, y) p3 wpw.t.j n Pth hr šm r dd nn m[d].t n Pth n Nw.i [•]	(Тогда) посланник Птаха отправился сказать эти слова Птаху и Нут.
wn.jn Nw.t hr tt n3 bhbj.w nt.j r hh=s [•]	(И) Нут распустила бусины, которые (были) у нее на шее.
m=k rdj.n=s <st> r p3 iws	Вот положила она (их) на весы.
[...] (5, y-1) [^c -s-t(j)]-r(3)-t(j).[t]	[...] Астарта.
i p3j=j []t[] [...]	О, мой [...]
(5, y) [prj.t] pw m-dj t3 psd.t	это процессия ²⁶ с Эннеадой.
hr h3b=f dbh=f [...] p3 htm n Gb	Тогда он послал и потребовал [...] печать Геба.
in [...]	[...]
[...] p3 iw[sw] im=f	[...] равновесие (?) за счет нее (печати?)
hr [...]	Тогда [...]
(6, y) n [...]	для (?) [...]
(7, y) [...] =f h[n] ^c []r[] [...] M17-A1 rdj irj- ^c 3 n [...]	[...] его вместе с [...] [...]. Дает привратник ²⁷ для [...]
(8, y) [...] =s iw=f [...]	[...] ее. (И) он [...]
(9) текст фрагмента полностью утерян	
[...](10, y) [in.w] n p3 I-m	[...] [дань] для Моря.
[...] hr n3 sb3.w [...] sb3.w	[...] через ворота [...] ворота.
prj [...]	выход(ят) [...]
(11, y) [...] []m.w p3 [...] ?[p]t?	[...]
ir whm=w ij(.t) r [...]	если они повторят приход к [...]

<p>(12); (13) текст фрагментов полностью утерян</p> <p>(14, y) [...] [p3] [I-m] ḥn^c []tf[]n r ḥbs=j p3 iwtⁿ ḥn^c n3 dw.w ḥn^c [...]</p> <p>(15, y-1) [...] [t3]j=f isp.t</p> <p>(15, y) [...] n [...] =k [...]</p> <p>[...] n [...] =k [...] r ḥ3 ḥn^c=f r-nt.j ḥms.n=f kb</p> <p>nn iw=f r ij.t r ḥ3 m-dj=n</p> <p>ḥms pw irj.n Sth</p> <p>Verso</p> <p>(a) []=k wj ḥn^c [p3j]=k [...]</p> <p>(b) iw p3 I-m ḥr ḥ3^c [...]</p> <p>(c) [...] iw [t3] [] [] w-f [...]</p> <p>(d) [...] p3 sfh [...] ḥ[n]^c t3 p.t [h]n^c [...]</p>	<p>[...] Море с [...], чтобы я покрыл землю, горы и [...]</p> <p>[...] его трон.</p> <p>[...] твое [...]</p> <p>[...] твой/ты [...], чтобы сразиться с ним; ведь он сел спокойно.</p> <p>Он не придет сразиться с нами.</p> <p>(И) Сет сел.</p> <p>[...] ты меня вместе с твоим [...]</p> <p>(и) Море бросило / оставило (?) [...]</p> <p>[...]</p> <p>[...] семь [...] и небо, и [...]</p>
---	---

Комментарий

1. Несмотря на утраченное царское имя после титула *n.j-sw.t bj.t.j*, второй картуш сохранил личное имя Аменхотеп, которое дополняет эпитет *ntr-ḥk3-Twnw*, приписываемый Аменхотепу II (Bekerath, 1999, S. 138-139; Collombert, Coulon, 2000, p. 201).

2. Предложенная Ф. Колломбером и Л. Кулоном реконструкция глагола *sm3wj* «обновлять», «восстанавливать» может указывать на проведение царем реставрационных работ (Collombert, Coulon, 2000, p. 201, 202), возможно, относящихся даже к конкретному памятнику, посвященному Эннеаде, что соответствует продолжению текста после лакуны: [...] *irj(.w)=f n t3 psd.t r ḥ3 ḥnḥ p3 I-m* «сделанн(ое) им для Эннеады, чтобы сразиться с Морем». Тем не менее, поскольку в тексте pBN 202 затронута военная тематика, вероятно, связанная с образом героя-воина, победителя Моря – что, в свою очередь, еще раз подтверждает текстовое единство фрагментов pBN 202 и pAmherst 9 – не исключена реконструкция «объединять» или «убивать», «уничтожать», несмотря на контраргументы Ф. Колломбера и Л. Кулона (Collombert, Coulon, 2000, p. 202).

Под вопросом оказывается агент действия восстановленного глагола *sm3wj*. На основании сохранившихся фрагментов текста можно предположить, что хвалебная речь адресована божественному воину, расправившемуся с Морем, в то время как царь говорит о себе как о преемнике этого воина, что отражено в строках 1, 3-1, 4: *n3j=k t-l* [...] (1, 4) *[s]b3.w ḥr-ḥ3.t=j* «твои подвиги [...], поучающие до меня».

Таким образом, агентом действия *sm3wj* мог выступать от первого лица сам царь, восстановивший память о герое или его деяниях, подвигах.

3. Лексема *nht.w* с детерминативом A24 имеет значение «военная добыча» / «трофеи» и зачастую употребляется по отношению к пленным (WB II, S. 317:13, 14). Множественное число указывает, вероятно, на *nomem collectivum*, которое реферирует местоимение единственного числа.

Второй вариант интерпретации – «победы» возможен, однако менее предпочтителен, поскольку данная лексема выписывается преимущественно с детерминативом D 40 (WB II, S. 317:4-10) (знак человека с бичом A24 можно рассматривать как менее распространенный вариант). Тот факт, что согласование лексемы с артиклем единственного числа²⁴ засвидетельствовано с эпохи XIX дин. (WB II, S. 317:4), мог бы внести некоторые уточнения при рассмотрении лингвистических особенностей, позволяющих датировать рукопись. Тем не менее это не позволяет сделать неоднозначная интерпретация лексемы.

4. Персонификация судьбы представлена в образе бога Шаи, на что указывает детерминатив G7 . Выступая часто в паре с Ренненет (pChester Beatty IV = pBM EA 10684; Vso 6,6-6,7; pAnastasi V = pBM EA 10244; 9,7), как и в данном случае, обе божественные сущности являют собой предначертанную судьбу, которая была определена самими богами. Этот эпизод сопоставим с отрывком из текста об «Обреченном царевиче», где судьбу родившемуся царскому сыну предрекает сонм небожителей: *n3 hw.t-hrj.t* (pHarris 500, Vso 4,3). Подобный *nomen collectivum* может реферировать суффикс =s в синтагме *š3.n=s š3j hn̄ Rnnw.t* [...] (1, 4). Альтернативным референтом могла бы выступать богиня Месхенет, определявшая, например, участь трех будущих царей в папирусе Весткар (pWestcar = pBerlin P 3033; 10,12-11,2).

5. Очевидно, знак A1 выписан по ошибке. Поскольку предлог *m* или его предсуффиксальная форма *im=* не позволяют вводить агент действия, в данном случае наиболее вероятной интерпретацией является наречие *im(.w)*. Ошибочное написание знака A1 в конце предложения, где следовало бы ожидать наречие *im(.w)*, встречается, например, и в другом тексте Нового царства – песне арфиста на имя Интефа (pHarris 500 = pBM EA 10060, Rto 6,8-6,9).

²⁴ В данном случае с притяжательным местоимением или более точно – с указательным местоимением с личным суффиксом.

Следует отметить, вероятно, намеренное различие в написании имени Ренненет в прологе – связанная с богом Шаи она представляет судьбу – и в основном тексте pAmherst 9 (см. комм. 16).

6. Лексема *t-r-j-n*, хорошо засвидетельствованная в семитских языках, предположительно восходит к хурритской лексеме *šariyanni* (Hoch, 1994, p. 367) или *siriam* / *sariam*, от которой впоследствии произошли заимствованные слова в египетском, хеттском, угаритском и древнееврейском языках (Dezsö, 2004, S. 321). В египетских источниках детерминативом, как правило, служит шкура F 27 (Hoch, 1994, p. 366-367:546; WB V, S. 386:6, 7), однако в данном случае представлена идеограмма металла N 34 . Так или иначе оба детерминатива указывают на определенный вид брони, использовавшейся, в частности, хеттскими воинами и представлявшей собой одеяние из кожи или полотна с нашитыми сверху бронзовыми пластинами (Lorenz, Schrakamp, 2011, p. 129, fig. 1-5; 140). По хеттским материалам известно о высокой стоимости такого защитного снаряжения, в которое облачались преимущественно воины на колесницах, распределенные на группы, по два-три²⁵ человека на одну колесницу (Lorenz, Schrakamp, 2011, p. 139, 140). Броня покрывала все тело, включая верхние части рук и ног. Египетские изображения данного обмундирования для конца XV – начала XIV века до н. э. можно видеть на настенной росписи в гробнице Кенамона, современника Аменхотепа II, а также на рельефе времени правления Тутмоса IV (прим. 1400-1390 гг. до н. э.), изображающем воина в колеснице, в броню которого попала стрела (Ventzke, 1983, S. 97, Abb. 46). Реальные находки бронзовых пластин от этого периода, вероятно, являвшиеся частью военной брони, происходят из Лишта (конец XVI – начало XIV века до н. э.) и Фив (XV – XIV вв. до н. э.) (Dezsö, 2004, S. 320-321).

²⁵ На египетских рельефах разного времени группа колесничих воинов состоит либо из двух (время правления Сети I) либо из трех (время правления Рамзеса II) человек. В первом случае воин, управлявший колесницей, осуществлял также функции воина-защитника со щитом в руках (Lorenz, Schrakamp *ibid.*).

7. Лексема *r-k-r-k* представляет собой *haraḫ legomenon*. Запись слоговым письмом на манер заимствованных слов не исключает, так или иначе, возможность намеренного искажения египетской лексемы, употребленной в данном случае как некий троп: звукоподражание или определенная метафора, основанная на удвоении двух консонантов исходной основы, что может быть связано с интенсивностью действия или процесса. Лексема *rkrk* (WB II, S. 458:8) приводится Ф. Колломбером и Л. Кулоном как наиболее предпочтительный вариант, который позволяет установить возможные параллели с текстами на стелах, повествующими об азиатских походах Аменхотепа II, где действие *rkrk* со значением «ползти» указывает на незаметное приближение врага (Collombert, Coulon, 2000, p. 205). Предложенная в переводе интерпретация «вражда» согласуется со значением слова *rkw* (WB II, S. 456:22), выписанного с детерминативом ног D 54 , как и лексема в тексте pBN 202.

8. Согласно Т. Шнайдеру, упоминание двух быков находит соответствие в хеттской версии «Песни об Улликумми» (Schneider, 2003, S. 612), где пара быков *Šerišu* и *Tella* должна сопровождать в битве Бога Грозы (Тешуба) (Güterbock, 1952, p. 15, 17). В целом для ближневосточной традиции характерно наличие именно быков, а не коней в качестве упряжных животных при божестве неукротимой стихии, будь то хурритский Тешуб или западносемитский Баал, который в восприятии египтян ассоциировался с Сетом.

9. Объектное местоимение 2 лица, вероятно, записанное в данном случае по принципам новой орфографии безотносительно к роду (Junge, 2005, p. 77), может относиться к образу героя повествования, с которым связан сюжет о битве с Морем. Скорее всего, имеется в виду Сет как аналог божеств грома и бури, сражающихся с воплощением морской стихии в ряде других ближневосточных текстов. К тому же имя Сета сохранилось в строке 15, у, поэтому вполне возможно, что именно с ним были связаны упомянутая ранее

пара быков и последующее восхваление. Вместе с тем Т. Шнайдер предлагает реконструировать имя хурритского и хеттского бога Тешуба на основании первого консонанта *tj* 𐎐 и восстанавливаемого за ним знака S29 𐎎 (Schneider idid.). Однако в египетских источниках имя Тешуб появляется исключительно как составной элемент теофорных личных имен и не встречается само по себе для обозначения иноземного божества (Sauneron, 1952, p. 57-58).

10. Запись основы *kfj* (3ae inf.) со знаком G1 𐎏 зафиксирована с XVIII дин. (WB V, S. 119). Интерпретацию затрудняет неясное лексико-грамматическое окружение формы *[kf]j.w=j*. С точки зрения языка старого состояния выписанный суффикс *.w* мог бы указывать в данном случае на относительную форму: «[...] раскрытый/отнятый мной. Его [...]» либо пассивное состояние: «меня раскрыла/отдала его [...]».

11. В текстах Нового царства широко представлено литературное клише с оператором *wn.jn*: *wn.jn*+субъект+инфинитив (также в строках 2, x+13; 4, y), которое наряду с *ḥḥ.n*, продолжает употребляться для организации повествования (Junge, 2005, p. 276-278). В рамках языка нового состояния данную конструкцию можно представить как сочетание *wn.jn* с *Praesens I*, которое образует особую нарративную форму *Praeteritum*, описывающую события в прошлом и нередко употребляемую для введения нового действующего лица или начала нового раздела в повествовании.

12. Семантика лексемы *š3k3* остается неясной. Дж. Хох проводит сопоставление с еврейским שׁוּק, а также שׁוּקָה — «сильное желание» и интерпретирует синтагму *[wn].jn=sn hr wʿf mj š3k3* в контексте соития неба и земли (Hoch, 1994, p. 288:412). В свою очередь Т. Шнайдер сравнивает данный фрагмент с пассажем из угаритского текста о борьбе Баала с Йамму, где боги склоняют головы перед посланниками последнего, за что их упрекает Баал. Сопоставляя лексику *š3k3* с аккадским *šāqu*, угаритским *šqu* и арамейским *šāquā*, Т. Шнайдер приводит значение «виночерпий», которое в сравнении с поведением богов могло бы подчеркивать их унижительное раболепное

положение (Schneider, 2003, S. 613). Однако подобная интерпретация не совсем соответствует имеющимся детерминативам: и .

13. Предположительное сходство с пассажем из «Сказки о потерпевшем кораблекрушение» обуславливает предположительную реконструкцию фрагмента: $\text{'h}^{\text{c}}.n \text{ hpt } s [nb] [p3j]=[f] [sn.nw]$ в сравнении с $s \text{ nb } hr \text{ htp } sn.nw=f$ (Gardiner, 1932, p. 76a). В данном случае прямая отсылка к литературному произведению конца Среднего царства могла быть основана на присутствии мотива морской стихии в обоих текстах. Более того, подобная реминисценция в рAmherst 9 могла бы представлять идейно-композиционную связь как с предшествующим, весьма фрагментарным и неясным по смыслу отрывком, так и с последующей частью повествования, где появляется образ Моря.

14. Лексема 'h представляет трудности для интерпретации ввиду неясного контекста. Разные варианты перевода вместе с тем не позволяют выявить общий смысл синтагмы $m-hr.j-ib=f \text{ mj } \text{'h}[w]$: Ф. Колломбер и Л. Кулон связывают $\text{'h}w$ с неким заболеванием, вероятно, сравнивая фрагмент рAmherst 9 с отрывком из Лейденского магического папируса, где $\text{'h}w$ рассматривается как болезнь, против которой обращен гнев Сета (Collombert, Coulon, 2000, p. 207, 227). В свою очередь Т. Шнайдер выводит дополнительную коннотацию – «воздушное пространство» на основании значения основы с семантикой действия 'hj – «подниматься» (Schneider, 2003, S. 614), а также сочетания с предлогом: $m \text{'h}$ – «парить в воздухе», которое употребляется по отношению к полету птиц (WB I, S. 224:7). Вместе с тем для лексемы $\text{'h}w$ допустимы и другие варианты интерпретации. Так, вполне возможно прямое указание на птиц²⁶ (WB I, S. 224:11), которые летают между небом и землей, что подходит для сравнения с тем, что могло бы находиться посреди чего-либо ($m-hr.j-ib=f$). Однако более вероятным все же является зафиксированное для Нового царства значение «воды» (WB I, S. 224:11), поскольку предшествующий фрагмент, как и последующий, имеют указание на Море как действующее лицо

²⁶ Возможны варианты написания с двумя знаками M17 , либо со знаком Z7 (Lesko, 2002, vol. I, p. 77), графически отражавшими, вероятно, призвук в конце слова ($\text{'h}ə$).

повествования и как стихию, что, в свою очередь, может также обозначать место действия посреди поверхности воды.

15. Семитское по происхождению слово *isb.t* (3, y) с альтернативным написанием *isp.t* (1, x+8; 15, y-1) (вероятно, фонетический вариант реализации с оглушением звонкого консонанта *b*), изначально «сидение» вообще, возможно «складной стул», приобрело в царских надписях значение «трон» (Hoch, 1994, p. 36-39, №30), в данном случае связанное с фигурой правителя, в качестве которого представлено Море (2, x+7).

16. Имя Ренненет выписано без характерного для этой богини детерминатива змеи (LGG IV, S. 686). Вместо этого присутствует знак сокола на нашесте, который указывает на божественную сущность в целом. Скорее всего, в тексте pAmherst 9 представлена особая роль этого божества, доставляющего дань Морю и никак не связанного с определенными функциями, которые приписывают собственно Ренненет, характеризуя ее, например, как богиню урожая (Collombert, Coulon, 2000, p. 203).

17. Предположительно, параллельные фрагменты в строках 1, x+10 и 2, x+6; 2, x+7 можно восстановить по аналогии друг с другом: *m ḥk3 ʿ.w.s. [ḥr p3 t3 m ḥk3 m t3] p.t* (1, x+10) и [... p3] *1-m m ḥk3 ḥr p3 [t3 m ḥk3 ʿ.w.s m] t3 p.t* (2, x+6; 2, x+7).

18. Форма императива *imj* реконструирована А. Гардинером, предлагающим рассматривать небольшой штрих после знака тростника M17 как часть знака совы (Gardiner, 1932, 77a). Императив в данном случае подходит по контексту как начало обращения к Эннеаде, которой предполагаемые посланники Моря поручают собрать дань для своего правителя. Вместе с тем вполне возможно, что синтагма начиналась с частицы *iw*.

19. На месте небольшой лакуны примерно с пятью утраченными группами знаков, за которыми следует, вероятно, детерминатив к *iwt*n (знаки N23-Z1 1xx), можно восстановить фрагмент [*nb.t n p3 iwt*n] (Gardiner *ibid.*).

Однако определение *n p3 iwtu* не совсем подходит по значению к субстантиву *md.w.t*, так как *iwtu* имеет значение «суша» или «почва» (Lesko, 2002, vol. I, p. 22), в то время как в данном отрывке предполагается, скорее всего, пространственная характеристика: земля как территория или страна, что передает лексема *t3*.

20. После вертикальной группы в конце фрагмента можно рассмотреть небольшой штрих от передней части знака G40 , что, скорее всего, указывает на определенный артикль *p3*, реферирующий реконструируемое слово *3pd*. Оператор *h^c.n*, в свою очередь, вводит новый эпизод повествования, в котором может быть представлено новое действующее лицо, в данном случае, предположительно, одна из птиц, упомянутых в строчке 2, *x+4*.

21. Выписанная в рукописи именная основа   *hrw*, вероятно, представляет омофон к основе с семантикой действия   *hr* – «говорить». На необходимость учитывать последний вариант указывает синтаксис предложения, в котором *hr* является предикатом, выраженным формой инфинитива.

22. В рамках конструкции *ir wn(n)*, выделяемой как отдельный тип связи для формирования протасиса условных предложений, предшествующий появлению частицы *inn* в языке нового состояния, Л. Депюи отвергает возможность рассматривать *wn* в качестве показателя *Praeteritum* при последующей форме *Praesens I* (Depuydt, 1991, p. 72-73). Предполагается, что в случае употребления *Praeteritum* в протасисе условных предложений необходимо наличие частицы *inn* либо присоединение личного суффикса, реферирующего агент действия, непосредственно к основе *wn* (Depuydt, 1991, p. 73) без особой суффиксальной парадигмы характерной для *Praesens I*.

Условные предложения с *ir wn* (без геминии конечного консонанта основы *wn*) известны из источников Среднего царства (из так называемых Писем к мертвым), а также надписей на стелах конца Среднего царства, Первого переходного периода и начала Нового царства, и кажется вполне

вероятным, что в тексте pAmherst 9 был использован хорошо известный, устоявшийся в письменной традиции оборот. Однако не стоит исключать возможность рассмотрения формы *Praeteritum* после союза *ir*, вводящего условное предложение, ввиду наличия в исследуемой рукописи других переходных форм и конструкций, характеризующих еще не до конца сформировавшуюся на письме структуру языка нового состояния.

23. В данном случае приведен возможный вариант реконструкции с учетом приблизительного количества знаков на месте лакуны: около 9 групп (Gardiner, 1932, p.78). По сюжету птица, посланная к Астарте, могла рассказывать об отправлении Эннеады с дарами для Моря, поскольку до этого упоминается о том, что именно Эннеада должна доставить дань жадному правителю (1, x+13). Вместе с тем остается не вполне ясным смысл последующей фразы: *ih jw=t hr=sn m [...]*, где суффикс *=sn* не согласуется с *t3 p3d.t*, однако можно предположить, что он реферирует предполагаемых посланников Моря, не названных в строчке 1, x+12 или упомянутых в разрушенной части повествования.

24. Обстоятельство *m p3 šm ij.t irj.n=(t)* имеет коннотацию прошедшего времени за счет наличия определенного артикля при инфинитивах *šm* и *ij.t*. Относительная форма от основы *irj*, следующая за инфинитивом в обстоятельствах подобного типа, выписана в данном случае по нормам старой орфографии, хотя в строчке 3, y-1 появляется реконструируемое причастие *i.[dd]* с префиксом *i-*, характерным для причастных и относительных форм языка нового состояния.

25. Отсутствие привычного предлога *hr* перед лексемой *t3* может указывать на управление субстантивов *t3 p.t* и *p3 t3* одним и тем же предлогом *m*. Это обстоятельство позволило Т. Шнайдеру противопоставить по семантике предложно-именные конструкции *hr t3* и *m t3*, определив буквально значение последней как то, что находится «в земле», то есть Подземный мир (Schneider, 2003, S. 615) или, скорее, Инобытие. Если предположить, что в данном случае имела место именно такая интерпретация, то рассматриваемый отрывок мог

представлять аллюзию на так называемое «Сошествие Инанны в Подземное царство», шумерское мифологическое повествование, одним из эпизодов которого является проход Инанны через врата потустороннего мира, миновав которые она теряет свою одежду и украшения (Крамер, 2005, с. 97-98). Последняя деталь может быть также связана с вопросом Моря в pAmherst 9 о будто бы разорванных одеждах Астарты, что как раз предваряет упоминание о ее отправлении и возвращении, предположительно, из Подземного царства.

Весьма показательное сравнение с прологом еще одного текста об Инанне, так называемом мифологическом эпосе об Инанне и Шукаллитуде (Volk, 1995, S. 3-4), где говорится о путешествии богини по Небу и Земле. При этом в начальных строках повествования вновь упоминается сошествие в Подземное царство:

«Моя госпожа покинула Небо, покинула Землю. В Подземное царство спустилась она.

Инанна покинула Небо, покинула Землю. В Подземное царство спустилась она». (Volk, 1995, S. 21)

26. По реконструкции А. Гардинера знаку D54 предшествуют следующие три группы: (Gardiner, 1932, p. 80a). Таким образом, в данном отрывке восстанавливается основа *shn* – «противостоять», «спорить», «встречать» (Lesko, 2004, vol. II, p. 71) и, возможно, «сталкиваться с кем-то». Однако на фотографии рукописи можно рассмотреть форму знаков X1 и D21 , выписанных на одном уровне перед знаком D54 . Предлагаемая реконструкция лексемы *prj.t* – «ритуальная процессия» (Faulkner, 1991, p. 91) или более точно – «явление бога/божеств» в ходе процессии (WB I, S. 525:7) может вызывать сомнение в связи с наличием детерминатива A2 . Вместе с тем в надписи из гробницы Пахери известен случай употребления данного детерминатива при однокоренной лексеме *prj.w*, тоже со значением «движение», «процессия» (Faulkner *ibid.*).

Борьба с враждебным воплощением морской стихии и чинимым им произволом, бесспорно, является основной темой повествования, что, вероятно, позволило А. Гардинеру реконструировать основу *shn* со значением «противостоять», «спорить». Однако в отрывке строки 5, у, вероятно, речь идет о процессии Эннеады, которая в очередной раз приносит дары Морю, чтобы удовлетворить его алчущую натуру. Теперь же от божеств, по-видимому, требуют их собственные украшения и атрибуты, как, например, бусы Нут (4, у) и печать Геба (5, у).

27. Стоит отметить, что вертикальная группа не является лигатурой, которую А. Гардинер определяет как $\overline{\text{a}}$ (Gardiner, 1932, p. 80): нижний знак, очевидно, напоминает руку D37 , а дукт следующего знака () никак не соответствует написанию циновки Q3 . Скорее всего, этот знак представляет собой идеограмму пастуха A47 , которую в данном случае следует читать как *irj* в сочетании с последующей лексемой *ʕ3* – «дверь».

Транскрипция и фотографии²⁷

²⁷ Фотографии фрагментов взяты из электронных каталогов Национальной библиотеки Франции (BnF archives et manuscrits) – pBN 202 и Библиотеки Моргана (CORSAIR) – pAmherst 9.

Транскрипция и фотография 1. pVN 202

, ,

[illegible][illegible]

Hieroglyphic text on a fragment of ancient Egyptian papyrus, mounted on a light blue background. The text is arranged in two columns, with the left column being more complete and the right column being partially obscured by a large, irregular tear in the papyrus. The characters are black, with some red ink used for decorative or emphasis. The fragment is framed by a dark brown wooden border.

Транскрипция и фотография 2. 1. pAmherst 9

 $l, x+l$

$$\begin{array}{c} \text{[diagram symbols]} l, x+2 \end{array}$$

A horizontal sequence of 16 small black-and-white icons. From left to right: a person standing next to a red circle; a bird perched on a rectangular base; another bird perched on a similar base; three wine glasses on a stand; a person holding a large vase or jar; a musical note (treble clef); a bird perched on a branch; a person's head in profile; a zigzag line; a vertical bar; a zigzag line; a vertical bar; a zigzag line; a vertical bar; a square containing a cross-hatched pattern.

 $l, x+4$

[illegible]

 $1, x+6$

 1, x+7

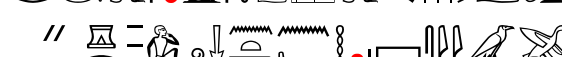

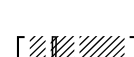
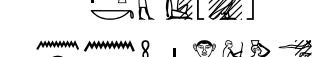

 $l, x+8$

l. x+9

 $l, x+11$

 $l, x+12$

Транскрипция и фотография 2. 2. pAmherst 9

[]	 2, x+1
[]	 2, x+2
[]	 2, x+3
[]	 2, x+4
[]	 2, x+5
[]	2, x+6
	 2, x+7
	 2, x+8
	2, x+9
	 2, x+10
	 2, x+11
	 2, x+12
	 2, x+13
	 2, x+14
	 2, x+15
[]	 2, x+16
[]	 2, x+17
[]	
[]	2, x+18
	2, x+19
[]	

Fragment of papyrus with several lines of text, mostly illegible due to damage.

Fragment of papyrus with several lines of text, mostly illegible due to damage.

Fragment of papyrus with several lines of text, mostly illegible due to damage.

Fragment of papyrus with several lines of text, mostly illegible due to damage.

Fragment of papyrus with several lines of text, mostly illegible due to damage.

Large fragment of papyrus with several lines of text, mostly illegible due to damage.

Транскрипция и фотография 2. 3. pAmherst 9

3, y-2

3, y-1

3 y

14, y-2

83

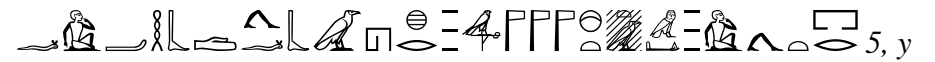
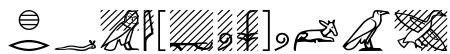
4, y-1

4, y

5, y-1

5, y

6, y

3
 Fragmentary papyrus strip with several lines of ancient Egyptian hieroglyphs. The text is partially obscured by damage and the fragmentary nature of the strip.

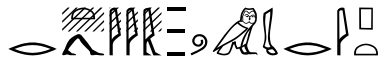
4
 Fragmentary papyrus strip with several lines of ancient Egyptian hieroglyphs. The text is partially obscured by damage and the fragmentary nature of the strip.

6
 Fragmentary papyrus strip with several lines of ancient Egyptian hieroglyphs. The text is partially obscured by damage and the fragmentary nature of the strip.

Транскрипция и фотография 2. 4. pAmherst 9

 $8, y$ $7, y$

9

 $10, y$ $11, y$

7

8

9a.

9b

10

Транскрипция и фотография 2. 5. pAmherst 9

14, y

15, y-1

15, y

Fragment 11: A long, narrow strip of papyrus with a rough, torn edge on the right side. It is held in place by small yellow tabs on the left and right edges.

11

Fragment 12: A long, narrow strip of papyrus with a rough, torn edge on the right side. It is held in place by small yellow tabs on the left and right edges.

12

Fragment 13a: A long, narrow strip of papyrus with a rough, torn edge on the right side. It is held in place by small yellow tabs on the left and right edges.

13a

Fragment 13b: A long, narrow strip of papyrus with a rough, torn edge on the right side. It is held in place by small yellow tabs on the left and right edges.

13b

Fragment 14: A long, narrow strip of papyrus with a rough, torn edge on the right side. It is held in place by small yellow tabs on the left and right edges.

14

d

c

b

a

15a

15b

16

17

18